

Владимир Романовский

Леротикъ

богатая белая стерва

Владимир Дмитриевич Романовский

Леротикъ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611422

Аннотация

Эпический роман о любви, страсти, убийстве, вдохновении, храбрых женщинах, эксцентричных мужчинах, голубокровных, богеме, утонченной кухне, сексе, беспорядочных путешествиях и некоторых удивительных событиях, произошедших недавно в Нью-Йорке и Париже, равно как и справочник для богатой среднего возраста женщины, желающей время от времени делать счастливым молодого композитора, не располагающего средствами.

Содержание

Пролог. Мэдисон Авеню	6
I	6
II	12
III	19
IV	21
V	33
VI	37
Глава первая. Дневник Юджина	39
I	39
II	49
VI	74
VII	82
VIII	91
IX	99
Глава вторая. Неожиданная встреча	107
I	107
II	111
III	119
Глава третья. За кулисами	123
Глава четвертая. Любовница Джулиана	130
I	130
II	133
III	139

Конец ознакомительного фрагмента.

Леротикъ
богатая белая стерва
Владимир Дмитриевич
Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Copyright © by Author

Пролог. Мэдисон Авеню

I

Не обо всяком убийстве можно составить репортаж.

Да и вообще – какое еще убийство? Убийство, надо же...

Светофоры. Пешеходы. Сварливая старуха с бесполезным мохнатым пуделем на старомодном поводке ... толстый, потный работник конторы с пропуском на алюминиевой цепочке вокруг короткой жирной шеи ... черный подросток, листающий ... что? ... папку какую-то, в которой ... что? ... нет, не может быть ... партитура?...

Проем между грузовиком и такси ... тормоз. Светофор не хочет переключаться. Ну и мука ... светофор меняется ... не сбей хулигана ... ишь как идет, вперевалочку...

Выдержим. Вот я посмотрю ... не вогнать ли ему ума куда надо!

Старая злопамятная крыса!

Никаких отчаянных поступков. Строгий спокойный расчет.

Уж я сумею ... я ему покажу, гаду ... Он не посмеет нас больше тревожить!

Он мелочный и тщеславный, и старый, и думает только о ... думает ... Вот же мерзавцы, нужно же им было имен-

но сейчас перекрыть дорогу! Борьба с безработицей. Всегда что-то ремонтируют. Бестолково, бессмысленно, и по всему городу. А дороги от этого лучше не становятся...

Он круто повернул на поперечную улицу. Величественная чередка особняков, построенных в Бель-Эпоке, частично скрыта растущими вдоль тротуара пышными деревьями.

До нужного особняка он доехал в общей сложности за десять минут, проскакивая иной раз на красный свет. Сигналил мешающим. Планирующие убийство так не поступают.

Может, он руководствовался импульсом? Был небрежен?

Все, кто знал его лично, посмеялись бы. Он? Никто в мире не планировал свои действия так тщательно. Об этой его тщательности ходили легенды.

Не о всяком убийстве можно составить спешный репортаж.

О некоторых убийствах сообщают, дабы удовлетворить садистские склонности некоторой части читателей. Об иных – чтобы позабавить. Еще об убийствах сообщают, когда нужно отвлечь внимание публики от чего-то большого и важного.

Когда убийство происходит в условиях ... в кругах, где значительность означает на самом деле изолированность и защищенность от остального мира ... то невольно засомневаешься – а стоит ли вытаскивать диктофон или наставлять линзу камеры на подозреваемого. А потом еще ... потом редактор тоже начнет сомневаться, и рассматривать за-

думчиво текст, и говорить «Да, это очень хорошо, но...» и ты опомниться не успеешь как вдруг обнаружишь, что у тебя теперь колонка в провинциальной газетке, и следует радоваться, что хоть это есть. Никто не хочет подвергать себя опасности лишний раз. У всех есть потребности, удовлетворить которые может только постоянный доход.

Степень социальной значительности Музыканта была высока. Его личная жизнь никого не касалась. Из-за его ... э ... призвания ... он волей-неволей появлялся на публике чаще, чем люди его уровня, да, это правда ... И все-таки он был – плоть от плоти своего сословия и своего клана. Для публичных появлений у него было другое, вымышленное имя.

Ему было тридцать пять лет. Среднего роста. Крепко сложен. Приятной внешности блондин. Большинство женщин предпочитало обожать его с безопасного расстояния. Отпугивал властный вид. Женщины хотят, чтобы их баловали, а не внушали им трепет.

Он запарковал Бентли у гидранта и вышел. Он был так взволнован, что даже забыл оправить пиджак. Не провел рукой по волосам. Не вытер со лба капли пота скромным носовым платком без монограммы. Позвонил.

Десять секунд. Двадцать секунд. Дворецкий наконец появляется. Не удивлен. А удивляться нечему, визитер – частый гость в доме. Здравствуйте, сэр. А вот пускать его в дом именно сейчас – нет, это совсем другое дело. Совсем, совсем другое. Нельзя.

Музыкант отодвинул дворецкого плечом и вошел в дом, с удовольствием хлопнув входной дверью – ногой подтолкнул. Шокированный необычным поведением гостя, дворецкий мигнул и попятился. Не был готов. Он ни разу в жизни не звонил в полицию. Он собирался вскоре уйти в отставку – лет через десять – купить дом в Мейне и смотреть как внуки и внучки мучают лягушек. Он не знал как нужно реагировать ... на такое вот...

Музыкант пересек холл и вошел в просторный кабинет. Тот, кто вызвал в нем ярость, сидел у письменного стола, перелистывая какой-то альбом с блеклыми фотографиями. Старик. Энергичный, с прямой спиной, с достоинством, но все равно старый, бесполезный и злобный. В самом что ни на есть библейском смысле – воплощение зла. Появление Музыканта его не испугало и не насторожило. Напротив, хозяин дома улыбнулся гостю светской улыбкой, повернувшись в кресле и махнув любезно рукой.

– А, да, – сказал он – Я предполагал, что ты сегодня придешь. Это очень мило с твоей стороны. Присядь, пожалуйста.

Не о всяком убийстве *следует* писать репортаж. Некоторые убийства настолько запутаны, что дотошного репортера могут и самого убить ... в крайнем случае, сделать так, что жизнь его станет неудобной и неприятной на долгое время.

– Вы самый безжалостный человек из всех, кого я знаю, – сказал Музыкант, яростно глядя на хозяина дома. – Из всех

гадостей, которые можно было сделать, вы сделали самое худшее.

– Пожалуйста не подходи близко.

Музыкант двинулся вперед, ухмыляясь злобно.

– А что вы сделаете? Плунете в меня?

Он остановился. У него не было выбора – нужно было остановиться. Револьвер был направлен ему в лицо. Рука, держащая револьвер, не дрожала.

– У тебя, оказывается, неумный темперамент, друг мой, – объяснил старик. – Ты меня удивляешь. Мне это как-то не приходило в голову раньше. Это меняет дело.

– Вы меня раздражаете, – заметил Музыкант, сверкнув глазами.

– О! – старик усмехнулся. – Вмешиваешься в мою жизнь, соблазняешь жену, собираешься увести ее, и – я тебя раздражаю? Какая наглость.

Музыкант нашел глазами кресло и собирался к нему подойти и в него сесть.

– Стой где стоишь.

– Вроде бы вы пригласили меня сесть.

– Передумал. Стариковский каприз. Ты мне больше нравишься, когда стоишь.

Некоторое время оба молчали.

– Знаешь, – сказал старик, – это странно, но по-моему, в кругу моих знакомых ты самый приличный человек. Да. Приличнее всего клана. Мы с тобой похожи. У меня есть де-

ло. У тебя тоже. Мы принимаем во внимание чувства других людей – не всегда, но от раза к разу. Мы оба совершенно точно знаем, чего хотим. Я мог бы выстрелить тебе в голову и никаких неприятных для меня последствий не было бы. Но я не хочу. Не сейчас.

– Вы хотите видеть меня раздавленным, не так ли.

– Тебя? Нет. Зачем же. Я ведь тебя и не знаю толком. А других – да, хочу видеть раздавленными. Поверь, ты сам же будешь мне благодарен, когда все это кончится. Ты увидишь ее...

– Ее.

– Да. Ты увидишь ее в другом свете. Она хороша, конечно. У нее много достоинств. Но ты не видел ее целиком, ты не знаешь. Ты увидишь. А теперь иди. Пожалуйста.

II

Музыкант выпил залпом и кивнул бармену. Стакан наполнили снова. Бармен подозрительно посмотрел на клиента, но ничего не сказал. В клубном баре пусто: время раннее. Несколько посетителей наличествовали в просторных холлах, ходили и безучастно рассматривали портреты на стенах. Обменивались бессмысленными комментариями.

Законного мужа трудно просто списать со счетов.

Солидное клубное затишье нарушилось появлением Хелен.

Она вошла в компании пестрой свиты, состоящей из лихо выглядящих молодых людей в ярких пиджаках, а также смелого вида и среднего возраста женщин в кокетливых платьях. Музыканту мать его любовницы совершенно не нравилась. Вместо того, чтобы наслаждаться собственной бесполезностью и сидеть тихо, она вечно встревала, куда не надо, вмешивалась, давала возмутительные советы, притворялась невинной и благожелательной, задавала бестактные вопросы, и вообще всем мешала. Завидев Музыканта у бара ... проигнорировав очевидное – человек хочет побыть один – она прогарцевала в его направлении, оставив своих пажей и фрейлин на произвол судьбы. Взобралась на стул рядом с ним.

– Привет, – сказала она, благожелательно улыбаясь.

– Да, привет, – ответил он резко, чуть не повернувшись к ней спиной. Но не повернулся.

– Ты чем-то озабочен.

– Да.

– Тебе нужно научиться расслабляться. Развеселись.

– Нет причин для веселья.

– Ну как же нет. Жизнь твоя прекрасна, как вообще любая жизнь. Какие тебе еще нужны причины?

– Она была бы еще более прекрасной, если бы некоторые люди в нее не вставали.

Хелен проявила терпение.

– Не сердись, не сердись. А ты когда к нам придешь наконец? На рояле поиграть? Последний раз ты развлекал нас ... я даже не помню ... очень давно. Вот и развеселишься.

Бармен приблизился, чтобы снова наполнить стакан Музыканта.

– Никто не умеет так развлекать публику, – сказал Музыкант, – как старик Уолш. Прямо миссия такая в жизни, всех развлекать. Постоянно.

– Действительно. Ты заметил, да?

Подобие юмора. Как трогательно.

– Да, – сказал Музыкант мрачно. – Заметил. Что ж. Это справедливо. Кто я такой, чтобы отбирать у него жену.

– А, вот оно в чем дело, – Хелен сочувственно дотронулась до его плеча. – Нет, это никуда не годится. Это нельзя, дорогой мой. Уж извини.

– Да.

– Он ведь человек выдающийся.

– Денег много.

– Ну, по правде сказать, да.

– Я не хочу по правде, – сказал Музыкант устало. – Я хочу чтобы он оставил ее ... нас ... в покое.

– А он так и делает в основном.

– Не в этот раз.

– А не нужно было его провоцировать. Ничего, думаю, он придет в себя. Он очень отходчивый. Вот увидишь, все образуется.

Ирония, сарказм, даже оскорбления – как об стенку все разбивается. Теплые ноты в ее голосе звучали так естественно, что не знавший ее вполне мог принять все это за искренность. Музыкант резко повернулся к ней. Она улыбнулась светской улыбкой.

– Он сказал, что я могу ее забрать себе.

– Это он не всерьез, – сказала Хелен успокаивающе.

– Всерьез. Я ее забираю, но дети остаются у него.

– Что ж. Это ведь справедливо, не так ли?

Поерзав на стуле, устроившись поудобнее, выпрямив спину, она смотрела на него благосклонно. Порода. Ничего не скажешь. Такому не научишь – это от рождения дается – ничего человека в этой жизни не волнует.

– Он получит все права на детей, и она их больше не увидит. Он сказал что ему все равно, как он эти права получит –

через суд или по договору, и пусть она сама решит...

– Конечно по договору лучше. Какой еще суд! Ничего хорошего в скандалах нет.

– Он действительно намерен сделать все, что он сказал.

– Да. Это жестоко, я понимаю, но ведь он прав, дорогой мой.

– Хелен! Это убьет твою дочь. Понимаешь?

– Не преувеличивай. Впрочем, ты ведь человек искусства. Люди творческие склонны к преувеличениям. Ничего страшного. Она привыкнет. Некоторое время, правда, она будет переживать. Но это пройдет.

Музыкант вдруг подумал, что ... Глядя с любопытством на Хелен, он вытащил портсигар, открыл и предложил ей. Она вежливо отказалась.

– Конечно же, – сказал он небрежно, закуривая, – он и деньги все заберет. Вообще все.

Прошло некоторое время прежде чем Хелен сообразила, что сие означает.

– Прости, как? – спросила она.

– Вложения, акции, наличные, недвижимость. Всё.

Своих денег у Хелен и ее дочери не было. Муж Хелен никогда не был богат. Хелен слегка побледнела.

– Все заберет, – настаивал Музыкант. – Ну, может какие-то драгоценности тебе оставит.

– Ты шутишь, – сказала Хелен машинально.

Некоторая степень растерянности проявилась в ее чертах,

они стали почти человеческими.

– Мне очень жаль, – сказал Музыкант. – У меня доход небольшой, а рассчитывать на то, что мой отец будет содержать ... нас всех ... не приходится. – Он помолчал, а затем добавил с комической торжественностью, – Нужно будет многим пожертвовать.

– Не может быть, – пробормотала она, не глядя на него.

– И тем не менее это так, – заверил он ее, сохраняя серьезное выражение лица. – Не переживай. Я сниму однокомнатную конуру в Уильямсбурге, это за речкой, в Бруклине. Там живут люди, которые тебе всегда нравились – художники, поэты, беззаботная богемная толпа. Наконец-то у тебя появится возможность влюбиться в голодающего художника или страждущего поэта. Будешь вязать свитера и продавать цветы, чтобы свести концы с концами, а вечерами будешь делиться романтическими мечтаниями с предметом своей любви, за скудным ужином, состоящим из натурального салата и сухарей. А когда он умрет от чрезмерной дозы наркотиков, твой портрет, им нарисованный, заметит представитель Галереи Тейта. После чего все остальные его картины будут раскуплены за огромные деньги лучшими музеями мира.

– Помолчи, – сказала она. – Помолчи.

Молчали они целых две минуты – он, глубоко затягиваясь сигаретным дымом и следя за выражением ее лица, она – напряженно пытаясь упорядочить мысли.

– Твой доход ... – сказала она. – Твой ... доход как исполнителя ... он...

– Ты хочешь спросить, не станет ли он в скором времени достаточным, чтобы мы вдвоем могли сохранить сегодняшний уровень жизни. Вряд ли.

– Ужасно, – сказала она убежденно. – Дай мне сигарету. Он соскользнул со стула.

– Мне пора. До свидания.

Придя домой, он некоторое время пытался себя занять. Попробовал читать, но не мог прочесть больше страницы. Порассматривал партитуру какой-то сонаты Шопена. Ничего не выходило – внимание не фокусировалось ни на чем.

Музыкант открыл ящик стола. Пистолет призывно заблестел.

А что потом? Сможет ли он по-прежнему быть ... музыкантом? Выступать перед аудиторией? Сможет ли он ее любить так, как любит сейчас? Может ли убийца быть художником, умеет ли преступник любить? Будет ли она любить его, если он перестанет быть художником?

А ведь они это уже обсуждали. Она не поддержала его, но и не сильно протестовала. Она только, вроде бы, упомянула о реакции детей. Что-то такое сказала...

Музыкант вставил обойму, положил пистолет в карман, и спустился в холл. Дворецкий его отца, психологический близнец дворецкого дома Уолшей, спросил, не может ли чем-нибудь помочь.

– Мне – нет, – ответил Музыкант.

III

Грянули два выстрела подряд.

Тело нашли только утром. Семейный доктор заполнил все нужные бумаги. Инсульт.

Семейный адвокат нанес краткий, деловой визит.

Некролог. Не обо всяком убийстве следует писать в газете.

Инспектор Роберт Кинг, навещавший в тот вечер свою любовницу, жившую в здании напротив особняка, слышал выстрелы. Опыт подсказал ему, что это действительно пистолетные выстрелы, а не пластиковый мешок с бельем, хлопнувшийся с третьего этажа на влажный тротуар. Он стоял у окна и смотрел на особняки напротив, чья архитектура безусловно относилась к Бель Эпок. Известняк и мрамор. Ионические колонны. Пилястры. Сегментированные фронтоны.

Спустя несколько минут Кинг отметил, что ни полицейских машин, ни карет скорой помощи нигде не видно, и люди не бегают туда-сюда по улице в панике, не кричат нечленораздельно. Прочтя через два дня некролог в одной из ежедневных газет, он вспомнил этот вечер и связал два события.

Теоретически, возможность убийства Старика Уолша была сама по себе – событием национального значения. Роберт Кинг доложил о своих наблюдениях и умозаключениях своему начальнику. Начальник пожал плечами.

Роберт Кинг решил самолично разобраться с этим делом. Хотя бы поверхностно. Когда-то давно Старик Уолш был другом его отца.

IV

Прошла неделя.

Живая Легенда – такое было у этого человека прозвище. Он прибыл в город, и его приветствовали фанфары и энтузиазм журналистов. Три длинных лимузина перевезли его и его телохранителей через мост Трайборо, а затем – вниз по Пятой, к Донне Бадли – большому, начала двадцатого века постройки, отелю в нескольких кварталах к северу от Плазы. Номер, зарезервированный для него, тщательно убрали, проветрили, проверили на наличие презервативов, оставленных персоналом отеля, и украсили свежесрезанными цветами. Внизу, в легендарной кухне отеля, шеф-повар превзошел самого себя, готовя роскошный асортимент яств, который впоследствии был полностью съеден телохранителями. Сам великий человек находился в одной из своих «ореховых» стадий, т. е. ел только орехи. Иногда такие стадии длились неделями. Различные средней руки модельеры и дизайнеры интерьеров зарезервировали номера в Донне Бадли в надежде на случайную встречу с Живой Легендой в коридоре.

Ему было за шестьдесят, и последнему его интернациональному успеху недавно исполнилось двадцать лет (несколько жеманный французский фильм, о котором многие до сих пор говорили, что, мол, он их поразил, пора-

зил). Иногда он появлялся в эпизодических ролях, напоминая о себе, и в связи с этим доход его оставался постоянным. Некогда низкорослый, плотно сбитый и экзотично привлекательный (больше в средиземноморском, чем в американском, смысле), нынче он был низкорослый, жирный, и откровенно-скучающий, но те, кто помнил его фильмы, все еще видели в нем того – молодого, развратного, непоседливого и загадочного.

Телохранители вошли в номер, а несколько минут спустя снова вышли, глупо ухмыляясь гладко выбритыми лицами. Не обратив внимания на загадочные эти ухмылки, Живая Легенда вошел и прикрыл за собой дверь. Было очень темно. Живая Легенда нащупал пухлой рукой выключатель. Хелен, нога на ногу, руки на ручках антикварного кресла, улыбнулась солнечной улыбкой. Нервно кашлянув, сказала,

– Здравствуй, дорогой.

– Здравствуй, – ответил, подумав, Живая Легенда.

И продолжал на нее смотреть бесстрастно. Он часто удивлял многих, вспоминая неожиданно их имена, именно в тот момент, когда они собирались его осторожно упрекнуть в том, что он их забыл. Этот контраст между кажущейся тупостью и замедленностью и внезапными проявлениями ясности ума создавали иллюзию скрытых недюжинных умственных возможностей.

А затем оказалось, что в номере есть еще один гость. Он сделал движение, и его заметили. Был он высок, мускулист,

смугл, и обаятелен. На нем был дорогой, не очень элегантный итальянский костюм.

Живая Легенда посмотрел на гостя тупо.

– Здравствуй, Франк, – сказал он без интонации.

Хелен снова улыбнулась, не очень уверенно на этот раз.

– Здравствуй, друг мой, – сказал Франк преувеличенно тепло, протягивая большую волосатую руку.

Живая Легенда пожал ее с неподдельным, как показалось гостю, теплом. Выражение его лица не изменилось.

– Очень рад тебя видеть, – сказал Живая Легенда все так же без интонации.

– Мадам настаивала, что ей тоже нужно здесь быть, – объяснил Франк. – Я подумал и решил – почему бы и нет. Эти козлы внизу не хотели ее пускать.

– Да, – подтвердила поспешно Хелен. – Господин Гоби очень добр...

– Шшш, – Франк Гоби подмигнул ей, приложив палец к толстым своим губам. – Никаких имен. Пожалуйста, ребята. Давайте сядем и поговорим.

Живая Легенда присел неспешно на диван. Франк придвинул второе кресло. Хелен поерзала в своем кресле и несколько изменила позу – колени вместе, ступни справа от кресла. Еще раз улыбнулась неуверенно.

Живая Легенда прибег к одному из своих излюбленных трюков – просто смотрел благосклонно на Франка, смотрел себе и смотрел. Пауза растягивалась. Благосклонность

во взгляде Живой Легенды была так неподдельна, что продолжающая растягиваться пауза ничем не напоминала волевою дуэль. Когда Франк снова заговорил, он не чувствовал себя побежденным. На Хелен трюк произвел бы впечатление, если бы мысли ее не были заняты другим.

– Ну, хорошо, – сказал Франк. – Не собираешься ли ты снова сняться в фильме, друг мой? Мы уж сколько лет ждем. Мы соскучились. Э ... Хелен, да? Хелен, не правда ли, было бы здорово – новый фильм? Мы соскучились, не так ли?

– Ах, да, – подтвердила Хелен, держа себя в руках. – Я, правда, не часто хожу в кино ... Но на твою премьеру, дорогой, я бы с удовольствием ... пошла бы...

Живая Легенда улыбнулся одними глазами – тоже фирменный трюк. Франк посмотрел на часы.

– Что ж, маэстро, – сказал он. – Никто не подслушивает. Можно говорить открыто. Помнишь, несколько месяцев назад мы с тобой посетили один бар?

Живая Легенда наклонил голову. Хелен смотрела в сторону. Улыбки прекратились.

– Во время нашей тогдашней беседы, – продолжал Франк, – я, вроде бы, упоминал некоторые ... э ... вещи. Не говорил о них, а просто упоминал ... э ... так сказать. Ты знаешь, я всегда делюсь ... э ... чувствами и помыслами с людьми, которых уважаю. Я, вроде бы, совершенно точно упомянул одного нью-йоркского предпринимателя, чьи дела ... поползновения ... в Сейнт-Луисе ... мне не очень нрави-

лись. Теперь, стало быть, так. Этот предприниматель и я — мы были большими друзьями. Не приятелями, а именно друзьями. Друганами. И ты тоже, друг мой ... э ... был другом предпринимателя. Не так ли.

С бесконечной грустью в глазах Живая Легенда кивнул, приопустил веки и выставил вперед нижнюю губу. Хелен перевела дыхание и кашлянула. Она явно нервничала.

— Теперь же так получилось, что друга нашего больше нет, — торжественно продолжал Франк. — Это очень грустно. Доктор говорит, что у него был удар. Все остальные уверяют, что он покончил жизнь самоубийством. Во всяком случае, все делают вид, — он поднял указательный палец и многозначительно наклонил его в сторону Живой Легенды, — что это так и было. Понятно, что это означает. Те, кто хорошо знали Старика Уолша никогда в такое не поверят. Старикан обожал жизнь. Такого жизнерадостного человека на земле не было никогда! Тем не менее, — добавил он, любуясь большим перстнем на мизинце, — видишь ли, друг мой, не обо всяком убийстве следует сообщать в газетах.

Хелен сильно побледнела, посмотрело отчаянно на Франка и умоляюще на Живую Легенду. Ей хотелось сейчас быть очень далеко — на Аляске, в Китае. На Марсе. Ей совершенно не хотелось принимать участие в разговоре. А Живая Легенда сохранял бесстрастное выражение лица. Он просто ждал, когда Франк закончит.

— Вне зависимости от того, кто во что верит ... или же

... во что их заставляют верить ... — сказал Франк, — я говорю вам, как друг, ребята ... — он выдержал паузу для лучшего эффекта, — ни мои люди, ни я лично никакого отношения к этой истории не имеем. Вообще. Ноль отношения. У нас не было никаких причин. Совсем. Старикан был, конечно же, не подарок, и разногласия у нас с ним были, и еще какие ... Но убирать старого питона ... Нет. Никогда. Я хотел вам об этом сказать до того, как вы станете делать разные выводы и умозаключения.

Живая Легенда на некоторое время углубился в свои мысли.

— Я никогда в тебе не сомневался, Франк, — сказал он наконец. — Я знал, что это не ты. Видишь ли ... я знаю, кто это сделал на самом деле.

Глаза Хелен широко открылись. Франк поднял черные кустистые брови.

— О да, — Живая Легенда произвел серию медленных задумчивых кивков. — Это очень грустная история. Очень, очень грустная. История о непонимании. Недопонимании. Невозможности людей друг друга понять. Что плохо в нынешнем мире — никто ни с кем толком не общается. Никто никого не слушает. Мы тонем в этом океане непонимания. Я предупреждал беднягу Уолша. Дважды предупреждал. Предупреждал дважды. Он не воспринял предупреждения всерьез. Это самое грустное и есть, во всей этой истории.

Заинтригованный, Франк пододвинулся ближе вместе

с креслом. Безвольная улыбка играла на губах Хелен.

– Это японцы, – грустно сказал Живая Легенда, уставясь в пространство. – У них были какие-то дела. Они хотели составить с ним соглашение и сбить цену. Он не поддавался на уговоры. Он их ненавидел. Его дядя служил когда-то в Тихом Океане, во время Второй Мировой. Все это просто ужасно. Я пытался ему объяснить, что японцы прошлые и сегодняшние – они, типа, совершенно разные. Разные виды японцев. Я сказал ему, что старые традиции также прочно забыты в Японии, как и у нас. Он мне не поверил. Он их очень сильно ненавидел. Он отказался от предложения. И ему отомстили. Такая грустная история – ты себе не представляешь...

Он приложил ладонь ко лбу. Хелен поднялась на ноги, затем присела на корточки у дивана и положила руку на жирное колено Живой Легенды.

– Какие сволочи, – прошептала она.

Короткий всхлип вырвался из горла Живой Легенды. Даже Франк это тронуло.

– Друг мой, – сказал он. – Не отчаивайся. Рано или поздно они за все заплатят. Мы их заставим.

Они тихо выпили, после чего Франк объявил, что должен идти.

– Пока, ребята, – сказал он.

Когда они остались вдвоем,

– Извини, – сказала Хелен. – Мне просто ... нужно было

тебя видеть. Я пришла, а он на меня просто навалился тут...

– Ничего страшного, – заверил ее Живая Легенда. – Франк – хороший человек. У него есть странности, но они, в основном, никому не вредят.

– Мне нужно сказать тебе что-то важное ... Я надеюсь, что никто не ... э ... подслушивает.

Номер прослушивался, но ни Живая Легенда, ни Хелен об этом не подозревали.

– Конечно нет, – сказал Живая Легенда. – Люди перестали подслушивать мои разговоры очень давно. Им неинтересно. Я просто глупый старик нынче. Говори, не бойся.

– Вот, понимаешь ли ... даже не знаю, с чего начать ... Муж моей дочери и я ... Мы никогда открыто не ссорились, конечно же. И все таки разногласия у нас были, и у меня были причины его ненавидеть ... Чего я боюсь – что полиция может ... или ... как называется это жуткое агентство?...

– Налоговое управление?

– Нет, нет ... То есть, эти подлецы конечно же не менее жуткие, чем ... Грабят честных людей, отбирают у них последние деньги ... Нет. Агентство, которое достанет тебя со дна океана, если им нужно с тобой поговорить.

– Морские пехотинцы?

– Да нет же. Пожалуйста, дорогой ... Ты знаешь ... Бюро Допрашивания ... или чего-то...

– ФБР.

– Точно. Именно. Если они вдруг станут интересоваться

... они могут заподозрить, например, что я – я, представляешь? – убила собственного зятя. Понимаешь?

Живая Легенда взял из вазы орех, съел его, и взял еще один.

– А ты его убила?

– Не говори глупости. Ты меня знаешь. Надеюсь. Представь себе – я кого-то пошла и убила ... И все-таки, у них могут возникнуть подозрения. В ту ночь я была в городе. Мы разговаривали – Уолш и я. Понимаешь? Они об этом не знают, но могут узнать. Не представляю, какие у них методы, но могут быть отпечатки пальцев ... на ручках дверей...

Живая Легенда поразмыслил.

– Ты бывала у него в доме, – заметил он. – Конечно же на ручках отпечатки. Они ведь сами собой не выветриваются.

– Я об этом и говорю. Так что может случиться какая-нибудь глупость ... в общем, я в этом ничего не понимаю, но чувствую себя ... как-то ... Понимаешь?

Живая Легенда надолго ушел в себя. Затем он взял из вазы еще один орех.

– Так значит, это ты. Ты убила Уолша.

– Что!

– Я так и думал – либо ты, либо японцы. Что ж. Значит – ты.

– Да нет же! – она обхватила голову руками. – Ты что, дурак, что ли, простых вещей не понимаешь!

Он хорошо помнил этот ее жест. Когда они были любовниками, жест этот означал, что он ведет себя как невообразимый, доисторический, ужасающий кретин.

– Ну, извини, – сказал он. – Не мечись так. Это ужасно действует на нервы.

– Посмотри на меня! Неужели я выгляжу как женщина, способная убить? Когда ж ты наконец повзрослеешь!

Она покачала головой. Встав, она схватила бутылку с серебряного подноса и налила в стакан до половины. Пригубила. Живая Легенда съел еще орех.

– Я не желаю ни в чем быть замешанной, – сказала Хелен сердито. – У меня нет времени на все это блядство. Что мне действительно нужно – хорошее алиби.

Спокойно глядя на нее и никак не показывая – хочет ли он, чтобы она продолжала говорить, или убралась бы вон из номера, из отеля, из его жизни, Живая Легенда съел еще один орех.

– Мне нужно, чтобы ты им сказал, если тебя спросят ... только если спросят, понимаешь? ... не нужно самому говорить, если не просят ... Ты должен им сказать, что я провела ту ночь с тобой.

Он не ответил. Она поставила стакан на стойку мини-бара, подошла, села рядом с ним и даже заютилась слегка, задвигалась, прижимаясь к его плечу.

– Сделаешь? Ради меня? Ну, вроде, как одолжение? Тебе они поверят, это точно.

– Хорошо, – сказал он без энтузиазма. – Это какую же ночь ты со мной провела?

– Что-что?

– Ты сказала что провела со мной ту ночь. Какую именно ночь?

Она закатила глаза. Затем терпеливо повторила:

– Ночь, когда убили моего зятя.

– Ага.

Он медленно кивнул, раздумывая.

– Где ты был в ту ночь? – спросила Хелен.

– Я не помню.

– В Калифорнии?

– Хмм. Нет.

– В Пенсильвании?

– Может быть.

– Нужно знать точно.

– Ага.

Он съел еще орех. Она погладила его по плечу.

– Как дочь? – спросила она.

– В порядке.

– Так ты запомнишь? Я была с тобой. В Пенсильвании.

– Да.

– И у нас был секс.

Он нахмурился.

– Разве?

– Нет. Но ты скажешь им, что был. Если тебя спросят.

Не возражаешь?

– Сузуки может обидеться.

– Что еще за Сузуки?

– Женщина, с которой я нынче сплю.

– Н-да ... – Хелен встала и опять схватилась за голову. –

Как можно спать с женщиной, которую зовут Сузуки, скажи мне?

– На самом деле у нее другое имя, – объяснил он. – Я не помню, как ее на самом деле зовут. Она японка. Я зову ее Сузуки, потому что это мой любимый персонаж.

– Черт знает, что такое...

Она решила, что будет очень терпелива. В течении следующего часа они выяснили что, оказывается, в ночь, о которой шла речь он все-таки был один. Затем они условились, что он скажет, если его спросят, что привез он ее на свое ранчо и провел с нею ночь, а потом, утром, доставил ее на станцию и посадил в поезд.

V

– Что это еще за глупости? – Роберт Кинг удивленно посмотрел на начальника, когда они закончили прослушивание записи.

– Думаешь, глупости? – начальник – толстый, лысеющий, очень запущенный в смысле физической подготовки, откинулся в кресле и посмотрел на подчиненного недружелюбно.

– Ну, а что же. Японцы?

– Все-таки мы в какой-то мере ответственны за то, что у них происходит...

– А что у них происходит?

– Ну, там, экономика...

– А Уолш при чем?

– Уолш – это наша экономика.

– Вы знаете что-нибудь об экономике, сэр?

– Как насчет уважения к начальству, Инспектор Кинг?

– Абсурд. Цирк.

– Франк говорил специально для нас, Роберт. Подлая рептилия. Устроил шоу специально, чтоб дать нам знать. А с другой стороны для Живой Легенды никакой выгоды нет.

– Он идиот.

– Не скажи, Роберт. Не следует быть таким нетерпимым. Я вырос на его фильмах. Он – гений.

У Кинга непроизвольно отвисла челюсть. На какое-то вре-

мя он потерял дар речи.

– Фильмах?

– Что ж тут такого. Да, люблю его фильмы.

– Ну, хорошо, – сказал Кинг. – Ну, допустим, это был какой-то японский ... черт его знает ... конгломерат, департамент, или корпорация. Что нам теперь делать?

Начальник пожал плечами.

– Это не в нашей юрисдикции. Пусть Темненькие занимаются.

– Не понял.

– Это их дело. Темненьких. Может, они кого-нибудь убьют в Токио, в отместку. Или вообще оставят все это на усмотрение корпораций. Пусть корпорации разберутся и примут такие меры, какие посчитают нужными. Пусть продадут япошкам еще одну кинокомпанию, или чего там. Какая разница.

– А что с данными, которые я для вас достал? Слушайте, я ведь несколько дней собирал материалы. Вы что, хотите сказать, что Музыкального Человека нужно ... отпустить? В смысле – вообще не трогать? Немыслимо!

– Это что, личные счеты, Роберт? Ты лично что-то имеешь против Музыкального Человека?

– Он подонок.

– Слушай, Инспектор, – сказал начальник. – Если тебе требуются, в связи с нервным напряжением, несколько сеансов терапии за счет Бюро, так и скажи. Или, может, тебе в отпуск нужно. Но мы делаем только то, за что нам платят.

А платят нам налогоплательщики. Запомнил? Нет, нет, пожалуйста, дослушай. Даже когда мы склонны делать больше, чем нам положено, мы все равно не имеем право хватать человека просто потому, что кто-то из наших парней считает его подонком. Наручников не хватит! Нужно будет из Хонг Конга выписывать новые. Оставь Музыкального Человека в покое. Дело против него закроют на этой неделе. Если тебе непременно нужно кого-то допросить, допроси тещу. Я бы так и поступил бы на твоём месте, Роберт. Я их терпеть не могу, этих богатых-бедных дамочек. Гадина желает заполучить алиби. Это автоматически помещает ее в категорию подозреваемых. От ранчо Живой Легенды до ближайшей железнодорожной ветки сто миль. И в то утро поезда вообще не ходили.

Кинг отмахнулся.

– Именно, – подтвердил начальник. – Дама просто запаниковала. Она здесь не при чем, и Музыкальный Человек тоже не при чем.

– Это он, уверяю вас. Это он! Почему бы вам не послушать меня хоть раз? Почему вы вообще никого никогда не слушаете?

– Если не будешь мне докучать, я тебя выслушаю.

– Музыкальный Человек – убийца.

– Ты мне докучаешь.

– Я должен его допросить.

– Вот что, Роберт. Иди домой – ты свободен на сегодня.

Развейся. И не сверкай так глазами по моему адресу, я-то уж точно к этому убийству не причастен.

VI

Обмен мнениями у Инспектора Кинга и Музыканта произошел в баре, оформленном под эксклюзивный клуб, на Ист Сайде. Разговор был неформальный и короткий. Каждый раз при упоминании Вдовы Уолш Музыкант сбивал инспектора странным способом – инкриминируя самого себя. Кинг оставался спокойным до того момента, когда Музыкант заявил вдруг со всей серьезностью, что он вообще не музыкант. Со всем. Ничего не знает о музыке и ничего в ней не понимает. Это было так неожиданно, что Кинг, раздосадованный и раздраженный, упомянул имя, под которым музыкант выступал на публике.

– Никогда такого имени я не слышал, – подозреваемый очень убедительно пожал плечами. – Я? Выступаю под псевдонимом? Как-то странно даже.

Кинг яростно на него смотрел.

– Не знаю, что это за игра, которую вы тут разыгрываете, сэр, – сказал он. – А только, прошу вас, перестаньте. Ладно?

– В игры я не играю. Вы меня за кого-то другого приняли. Вот я здесь сижу перед вами, у меня погиб близкий друг, мне сейчас необходимы одиночество и покой. Вы совершенно бестактно завязываете со мной разговор и обвиняете меня в том, что я музыкант и убийца. Что мне думать, Инспектор? Как должен человек нормальный и разумный на такое

реагировать? – он снова пожал плечами.

Кинг настаивал. Музыкант возражал, говоря что в жизни не имел дело ни с какими музыкальными инструментами. Время от времени он посещает оперу – это дело семейное, почти традиция. Но никогда он не был, например, в концертном зале. Кинг разозлился не на шутку и сказал нечто необдуманное, к делу не относящееся. Музыкант рассмеялся Кингу в лицо.

Положив на стойку двадцатидолларовую купюру, Кинг быстро вышел, боясь, что если он останется в баре еще на какое-то время, всякое может произойти.

Клан? Клан посчитал, что Уолш умер от удара. А сплетничают люди всегда, подумаешь! Полиция порешила, что имело место самоубийство, и вела себя по отношению к клану тактично. Пресса держалась на расстоянии, поскольку не каждое убийство следует освещать в газетах. А руководители в ФБР так и не заинтересовались всерьез этим делом, несмотря на усилия Кинга.

Глава первая. Дневник Юджина

I

Юджин Вилье понял, что попал в переплет по крупному только когда применять меры было уже поздно. Светил красный свет, двое незнакомых уже сидели у него в такси за спиной, мужчина хриплым баритоном бормотал адрес – неприятный маленький проулок в мрачных внутренностях Южного Бронкса, район, отказывающийся идти в ногу со временем и портящий радужную статистику Сити Холлу. Район оставался городской военной зоной, где грабеж, насилие, перестрелки и убийства по случаю так же обычны, как штраф за неправильную парковку.

Закончив себя ругать за то, что не запер вовремя двери, Юджин Вилье решил просто отказаться везти и посмотреть, что из этого выйдет.

– Младенец просто меня убивает, – сказала пассажирка. Фальшивая нота в ее контральто резануло музыкальное ухо Юджина.

Пятьдесят Седьмая и Бродвей. Светофор переключился, стал бледно-зеленым. Был час ночи. Небо приобрело таинственный бледно-фиолетовый оттенок, как иногда бывает в Манхаттане в середине ночи, когда яркий, кричащий неон

вывесок и рекламных воззваний, мягкий желтый свет фонарей, лоскутный туман, и разбегающиеся мысли наблюдателя играют в игры с его боковым зрением. Юджин передумал. Двое на заднем сидении, даже если бы они согласились выйти прямо сейчас, наверняка пожаловались бы полицейскому – вон полицейская машина как раз прошуршала зловеще – и получил бы он, Юджин, очередную повестку, уже вторую, а третья означала бы, что у него отберут лицензию. Вторая повестка стоила бы ему восемьсот долларов (две недели работы). Церемониться бы с ним не стали – как же, отказался довезти беременную даму и ее нежного супруга до их мирной обители. Впрочем, это не было единственной причиной, заставившей Юджина передумать. Просто человеку, который тебя на голову выше и в два раза тяжелее, не говорят – нет, не повезу. А вместо этого запирают двери до того, как он, человек этот, успел сесть в твою такси.

Следуя по Вест Сайд Шоссе, Юджин прикидывал возможные варианты спасения, включая расовый аспект («Черному парню в наше время не вздохнуть, ни охнуть, особенно если он таксист»), и аспект бедности («Два месяца за квартиру не плачено») и так далее, но вскоре отбросил их, все. Какие бы чувства не имелись у этих двоих на заднем сидении, понял он, благожелательность и сочувствие в перечень не входят. Разводить треп – глупо. Он решил вместо этого послушать Шопена и нажал кнопку на переносном стерео. Звуки знаменитого полонеза не произвели никакого впечат-

ления на пассажиров. Пассажиры зловеще молчали. Может, они не любили фортепианную музыку.

Справа плыли огромные здания оперного района, а затем показался Риверсайд с парком и кварталами конца девятнадцатого века, спокойными в тихом величии. Наконец и башенка псевдоготической церкви проявилась темным силуэтом. Гарлем проплыл мимо. Мост Джорджа Вашингтона слева засверкал гирляндами. Юджин въехал на пандус развязки, втерся в поперечное движение, и взял курс на Кросс Бронкс шоссе. Парень на заднем сидении наклонился вперед, сообщая Юджину, какой съезд с шоссе ему нужен. Инструкции прошли под аккомпанемент особенно залихватского шопеновского пассажа.

Юджин бывал в этих местах раньше – дважды отвозил пассажиров, один раз ему заплатили. На первый взгляд – обычный район в окрестностях восточно-бережного метрополиса. Двухэтажные дома вдоль улицы. На некоторых въездах мерцают невинно в темноте машины, иногда дорогие. Какая-то часть жилого фонда смотрится вполне респектабельно. Когда Юджину сказали, что сейчас нужно свернуть налево, на стороннюю улицу, идущую под гору, очень уютную, подозрения переросли в мрачную уверенность. Он знал, что его ждет.

Ему спокойным голосом велели остановиться. Дуло пистолета двадцать второго калибра уперлось в основание черепа.

Стараясь не делать лишних или резких движений, он протянул через плечо деньги, всю выручку. Затем ему велели освободить машину от своего присутствия.

Дрожа от порывистого ноябрьского ветра, Юджин смотрел, как двое вышли, забрались на передние сидения, хлопнули дверьми – та-дам! – как оркестровое начало третьего акта «Богемы». Мужчина, сидя за рулем, опустил стекло и в сюрреалистическом порыве неуместной щедрости протянул Юджину его лицензию в пластиковой обертке, с номером и фотографией.

– А куртку не дашь ли мне мою заодно? – спросил Юджин мрачно. – Холодно ж, блядь.

Ответом его не удостоили.

Грабитель включил надпись «Конец Смены» на крыше.

Жертва обхватила себя руками, защищаясь от холода и ветра, и пошла прочь.

Престарелый черный дядька, весело шагающий в противоположном направлении, взгляделся и сказал, —

– Эй! Ты в порядке, парень?

– Где здесь полицейский участок? – спросил Юджин. – Меня только что ограбили. Забрали мое такси.

– О! – дядька просиял. – Меня тут тоже ограбили вчера ночью. В конце квартала повернешь налево, брат. Удачи тебе.

Звезды мигнули. Какие-то кошки в голос жаловались на неустроенность из близрасположенной огромной кучи

мусорных мешков. Юджин дошел до участка, и там его тепло приветствовали две дюжины белых полицейских в темных рубашках.

– Ого, сынок, что это ты шляешься в такой холод в одной рубашке?

Объяснения их удовлетворили. Они качали головами грустно, закатывали глаза, размышляя о суровых реалиях района, который волею злой судьбы им перепало охранять. Они предложили Юджину кофе, который оказался очень слабым и невкусным но, к счастью, горячим. Имя его пропустили через компьютер и обнаружили, что он им не врал по злобе, а сказал все так, как есть. Записали его показания и заставили подписать. Затем предложили подвезти к станции метро.

– Это, конечно, глупый вопрос, – сказал Юджин, – но не могли бы вы подкинуть меня в Манхаттан? Ну, пожалуйста. Я без куртки, и устал я дико. С ног валюсь.

– Извини, сынок, – сказал один из полицейских, ненамного старше Юджина, но зато с бицепсами, похожими на йорктауновские пушечные ядра под тонкими рукавами рубашки. Эти бицепсы придавали ему вид власти и справедливости. – Мы не имеем права пересекать границы района. Но до поезда мы тебя довезем.

В патрульной машине противно пахло дешевой едой. На станции один из сопровождавших Юджина полицейских постучал в пуленепробиваемое стекло будки своим клябом,

имея в виду, что билетер должен нажать на специальную кнопку, активизирующую специальную калитку для специального бесплатного прохода на платформу. Неожиданно резко проснувшись, билетер осмотрел прибывших и помахал им из-за стекла рукой.

– Да открывай же блядь калитку, – сказал второй полицейский раздраженно.

Билетер сделал несколько объяснительных жестов, уверяя всех, что все в порядке и он все понял. Он нажал какие-то кнопки. Во всех помещениях станции погас свет. Билетер снова включил свет. Затем он выключил свет внутри своей будки и стал временно невидим. Неожиданно специальная калитка отворилась – он случайно нажал нужную кнопку.

– Удачи тебе, сынок, – сказал полицейский, который помоложе.

– Спасибо.

И Юджин прошел на платформу.

Эстакадная эта платформа открыта была четырем ветрам. Юджин страстно обхватил себя руками и начал дрожать. К счастью, поезд вскоре прибыл. Те несколько пассажиров, что находились в вагоне, посмотрели на Юджина с легким удивлением.

Он прибыл на свою улицу. Ключи остались в куртке. Он удивился, осознав, что сожалеет о потере портативного стерео и всех своих замечательных записей. Разбежавшись, он подпрыгнул и схватился за нижнюю ступеньку пожарной

лестницы. Подтянувшись, перелез перила, поднял раму окна, вполз в квартиру, и сразу схватил телефон, чтобы информировать начальство – дневному водителю выходить на смену сегодня не надо – не на чем, машины нет. Эта новость совершенно не обрадовала работодателя. Он хотел знать детали. Юджин извинился, повесил трубку, быстро принял бодрящий горячий душ, и лег спать.

Он взял себе два дня отпуска, не заплатил за квартиру, дважды отрешенно обедал в доме своих родителей в Гринич Вилледже, позволил матери себя обласкать, выслушал лекцию от отца (профессора Нью-Йоркского Университета), и возвратился на работу. Решение было добровольным. Он собирался еще некоторое время зарабатывать на жизнь вождением такси, несмотря на то, что всеми фибрами души чувствовал, что эта стадия его карьеры подходит к концу.

Месяц спустя он провел два часа на аэропортовой стоянке в ожидании прибытия следующего самолета, из которого должны были выйти какие-нибудь клиенты. Когда самолет наконец приземлился, диспетчер такси перетасовал очередь клиентов в соответствии с им самим только что изобретенной системой, основные положения которой он не был склонен обсуждать с кем попало. Юджину досталась пара – утрашающего вида мужчина и тучная, оптимистично настроенная женщина.

Рассеянным взглядом Юджин проводил Инспектора Роберта Кинга, вышедшего из терминала – только что вернув-

шегося из отпуска в Тоскании. Юджин понятия не имел, кто такой Инспектор Кинг. Но чем-то этот человек привлек его внимание – какая-то серия не очень четких картинок. Все еще пытаясь их рационализировать, Юджин повернулся к двум клиентам и спросил их, куда они желают ехать.

Ему дали адрес в самой негостеприимной части Бруклина под названием Бушвик.

– Нет, – сказал Юджин, возвращаясь к реальности и поднимая брови.

– Что ты сказал? – спросил большой мужчина с водевильной сумрачностью, к которой в некоторых районах прибегают, чтобы выразить неудовольствие.

Тон мужчины неприятно задел Юджина, который иногда бывал и вспыльчив.

– Я сказал – нет. Ты что, блядь, оглох? Нет. НЕТ. Понял?

– Ты с кем это так разговариваешь? – возмущенно спросила тучная женщина.

Юджин выключил мотор, вытащил из прозрачного щитка лицензию, и вышел из машины. Чувство всеохватывающей свободы овладело им. Клиент уже махал рукой, призывая диспетчера.

Этот последний, наслаждаясь моментом, медленно повернулся к Юджину и посмотрел на него надменно.

– Ты отвезешь их туда, куда они велят, – сказал он строго. – А то, если желаешь, могу позвонить ребятам из Комиссии Такси и Лимузинов.

– Зачем? – удивился Юджин. – Думаешь, они захотят отвести этих двух в Бушвик?

– Ага, так ты из умничающих, – догадался диспетчер, радостно принимая вызов. – Хорошо. Давай сюда лицензию.

Он вытащил ручку и блокнот. Юджин бросил лицензию диспетчеру под ноги. Ноги диспетчера обуты были в ботинки для хождения по горам.

– Возьми себе, – сказал он. – И не жри столько хамбургеров, мужик. У тебя, блядь, щеки в десять раз больше твоего мозга, а изо рта у тебя пахнет так, что аж в Джерзи носы зажимают.

Диспетчер и клиенты так удивились поведению Юджина, что растерялись, не зная, что им делать дальше. Юджин спокойно пошел прочь. Ему позволили уйти. Когда он скрылся из виду, решили, что лучше всего клиентам – сесть в следующее такси. За рулем этого следующего сидел толстый приветливый парень родом с Ямайки в стильном полиестровом свитере поверх бермудской рубашки. Широко улыбнувшись, он объяснил добродушно, что машина у него сломалась, увы. Он продемонстрировал это, повернув ключ зажигания дважды и пожав виновато плечами – стартер не проворачивался. Как только следующее за ним такси подобрало двух неприкаянных клиентов и уехало на встречу с судьбой в Бушвике, машина толстого парня с Ямайки каким-то чудом тут же завелась. Следующие три клиента ехали в Манхаттан.

Юджин позвонил начальнику из ближайшего автомата.

– Я делаю тебе одолжение, потому что ты мне нравишься, – объяснил он. – Машина стоит у Международных Прибытий. Нет, я в эту игру больше не играю. С меня хватит. Что? Ну, если тебе необходимо знать – мне дали клиентов в ебанный Бушвик, а два ограбления за два месяца – это слишком много восторга, даже для такого беззаботного искателя приключений, как я. Нет. Да, как же. Нет, мне нельзя было просто уехать, ты что, шутишь, что ли? Меня бы тут же остановили, а за это штраф восемьсот долларов. Нет. Очень сожалею. Ухожу. Да, прямо сейчас. Вот в этот самый момент. Спасибо за все.

На подсобном автобусе он доехал до метро, а на метро до Манхаттана. У него не имелось – ни планов, ни знакомств, ни друзей в высшем эшелоне, ни денег – помимо семидесяти долларов, которые он успел заработать за день, заплатив сперва девяносто начальнику за смену. Следовало срочно выпить.

II

Фрагменты из дневника Юджина Вилье составляют значительную часть повествования об убийстве Уолша, расследовании, и сопутствующих событиях. Юджин держал свой дневник в ящике письменного стола, и никогда не забывал запереть ящик на ключ. Компьютеру Юджин не доверял, наслушавшись разных разностей о коварных властях.

Несмотря на предосторожности, дневник доставали, читали, и затем прятали опять в ящик – многие. Каждый раз, открывая ящик, Юджин обнаруживал, что листы дневника не были никем потревожены, лежат так, как он их оставил.

По первым же страницам дневника можно заключить, что Юджин начал вести его во время короткого периода существования его музыкальной группы, то бишь, через десять лет после убийства Уолша, (в то время, когда Инспектор Кинг более или менее сдался, решив не заниматься больше данным делом).

ИЗ ДНЕВНИКА ЮДЖИНА ВИЛЬЕ —

Меня зовут Юджин Вилье. Мне двадцать четыре года. Я пианист. Я негр, не очень красивый, худой, среднего роста, с непримечательными чертами лица и длинными конечностями и пальцами. Представляете себе. У меня есть му-

зыкальная группа. Мы обслуживаем вечеринки, а также даем концерты. Ну, хорошо, на самом деле мы не *даем концерты*, и в Карнеги Холл нас завтра не пригласят. Но мы принимаем участие в сборных выступлениях с другими такими же неудачниками в противных заведениях на Бликер Стрит. Ну, знаете – группы и банды с двусмысленными названиями, и толпы слушателей, которые думают, что они ужасно развиты и современны и крутятся в хорошем обществе, в то время как на самом деле им просто нечего делать. Они не понимают музыку. Нельзя одновременно понимать музыку и ходить в такие заведения. Безликий джаз, безликий рок, кантри, все это очень громко и совершенно неоригинально, много монотонных ритмов, и много среднего возраста белых людей, методически напивающихся до беспмятства, думая, что это поможет им снова почувствовать себя молодыми. Может и чувствуют. Но не выглядят. Чтобы сводить концы с концами, я играю на фортепиано, от вечера к вечеру, в нескольких заведениях на Второй Авеню. Делю жуткую дыру в Ист Вилледже с жалким созданием по имени Фукс, нашим бас-гитаристом. Музыканты, не умеющие овладеть настоящим инструментом всегда в конце концов приходят к бас-гитаре. Любой может за неделю научиться.

Мой отец – ученый, а мать моя – профессиональная уборщица, умеющая убрать двадцатикомнатный особняк за три часа, а потом сидеть в кресле следующие три дня, ничего не делая, или почитывая дешевый роман. Иногда она читает

стихи, но это совсем другая история. Если хорошо присмотреться к моим родителям, понимаешь, что именно мама – настоящая. То, чем отец по жизни занимается – надувательство, и в глубине правоверной своей души он об этом знает. Нет, он конечно же прилежно учился в то время как остальные студенты в кампусе оттягивались напропалую, на что имели полное демократическое право. Отец часами корпел над книгами, которые ему не нравились, справочниками, которые он понимал лишь с большими усилиями. После чего он прошел все нужные экзамены если не с грандиозным успехом, то по крайней мере очень ровно. Получил степень в Гарварде, и так далее. Теперь он работает в специальной лаборатории, субсидируемой правительством. Одевается с большим вкусом и умеет говорить речи на публике. Выглядит представительно на любой конференции, но нет у него никаких оригинальных идей, и в этой своей лаборатории он до сих пор ничего нового не открыл и не наработал. Зато он помнит все, что сделали другие. Выглядит он солидно, никогда не опаздывает на работу и не прогуливает, поэтому начальство вынуждено время от времени повышать его в должности. Наверное, он хороший руководитель, хотя я слышал, что коллеги его посмеиваются у него за спиной, а некоторые черные коллеги, особенно из тех, кто помоложе, стесняются его и стыдятся. Мама, вроде бы, его любит, несмотря на то, что все о нем знает. Он хороший муж. Наверное.

Все мои приключения с музыкой, в которых я плаваю не находя берега, началась, когда мне было восемь лет. Стояли пресловутые Оптимистические Годы, когда каждый должен был в самом скором времени разбогатеть раз и навсегда и наконец-то бедность канула бы в прошлое. И уж преступность точно канула бы в прошлое. Люди думали, что как только мы избавимся все от бедности, преступность просто перестанет существовать, ну, типа, все преступники вдруг покончат жизнь массовым самоубийством в какую-нибудь отчетливо лунную ночь. У мамы тогда была летняя работа за городом – убирала она особняк в поместье, такой типа целый дворец, не шучу. Принадлежал он семейству Уолшей – безответственно богатая пара с двумя детьми. Во всяком случае, так мне сказала мама – двое детей, мальчик и девочка, и имена у них, типа, Мелисса и Алекс, или что-то в этом духе, Алекс младенец еще, а Мелиссе, типа, восемь или девять лет. Я их никогда не видел, и часто осведомлялся, где они, собственно, шлеляются, когда мама меня привозила с собой, а мама говорила всегда – в бординг-школе¹, заткнись, но какая такая бординг-школа в разгар лета, не говоря уже о том, что Алекса наверняка все еще кормили грудью? Ну, не *грудью*, конечно же, мама-Уолш была слишком богата для таких физиологических крайностей, хотя возможно

---

¹ Бординг-школа (boarding school) – в данном случае престижная и дорогая школа, при которой дети живут – отдельно от родителей, которые их навещают по желанию, и домой приезжают только на каникулы.

у них была кормилица с Филиппин или из Польши.

Так или иначе, папа уехал на какой-то безумный симпозиум, на котором ему следовало выглядеть важно и не вдаваться в детали. Он очень гордился, что его пригласили. Он намеревался на симпозиуме молодое поколение, дабы имели они терпение и поумерили надменность, и трудились усердно над своими ебаными продвинутыми проектами, от которых мир вскоре получит неимоверную пользу, возможно уже к следующему четвергу, и так далее. Так что мама взяла меня с собой в поместье. В смысле, папа не слишком хорошо зарабатывал тогда, несмотря на старшинство в этой его лаборатории, так что маме приходилось подрабатывать, дабы оплатить всякое разное, в том числе еду и одежду своих драгоценных сыновей, моего брата и вашего покорного слуги.

Я был обычный среднеклассовый черный ребенок из района Нью-Йоркского Университета и для своего возраста имел вполне достойный лексикон, больше двухсот слов, а также чувство юмора, и вообще был человек светский. Так что, помнится, не особенно я ошарашил видом загородного особняка.

Что сказать – действительно серьезный такой особняк, викторианского стиля сарай-вагон, известняк и мрамор, сооружен в середине девятнадцатого столетия, с большим количеством лишнего пространства внутри, с толстыми стенами и высокими окнами, и все такое. Вещь, которая меня дей-

ствительно поразила – концертный рояль в одном из помещений. Честно. Я не знаю, почему он меня поразил. Но пораил. Не шучу.

В доме никого не было, кроме меня, мамы и дворецкого по имени Эммерих – длинного, тощего, недоброго, стареющего, опытного, с тонкими губами и ироническим отношением к людям, так что весь особняк перешел в мое распоряжение, ура. И, знаете, я был пацан, не то, чтобы очень балованный, но вполне распушенный. Я запросто трогал все подряд грязными пальцами, останавливал лифты, нажимая на красную кнопку, и так далее, но в этом концертном рояле я почувствовал достойного противника. Сам вид рояля произвел на меня неизгладимое впечатление. Я боялся к нему приблизиться. Я знал, какая у этого чудовища функция, я и до этого видел рояли в своей жизни, но вот – стоял я столбом и смотрел на него с расстояния в десять футов. Рояль был большой, блестящий и очень черный – настоящий концертный Стайнуэй. Тогда я не знал, что это Стайнуэй. Сейчас знаю.

Ну так вот, стоял я, стало быть, и таращился на рояль как дурак, и вдруг хозяйка особняка прибыла на машине, с другом, и мама моя быстро прочесала все помещения и обнаружила меня наконец, гордость свою и радость, и выдернула эту радость из фортепианного помещения очень грубо, схватив за локоть, и поволокла меня в кабинет. Она велела мне застыть и не двигаться, а то она меня разорвет на две части

и проломит мне башку. Затем она вышла на газон – поприветствовать хозяйку и спросить, не надо ли ей, хозяйке, чего – ну, типа, не знаю, туфлю ей не поцеловать ли, или еще чего.

Я скучал в кабинете. В конце концов я вышел и стал слоняться бесцельно по особняку, а потом случилось то, что сделало меня ... нет, не идиотом ... произошло нечто важное. Я услышал музыку.

Я, конечно же, и до этого слышал, как играет рояль, в особенности старый джаз. У отца моего нет музыкального слуха, но он включает старый джаз всякий раз когда в квартире гости, или когда ему нужно дать маме понять, что настроен он нынче романтически. Это, конечно, банально, но думаю, что выражение «классическая музыка» ассоциировалось у меня тогда в основном со старыми мультфильмами.

III

Акустика в особняке была прекрасная, а рояль что надо. А также – тот, кто на нем в тот момент играл, был очень хорошим пианистом. Забавно – я запомнил опус, который он играл – в достаточной степени, чтобы выяснить впоследствии, что это за опус, кто его написал. Шопен, полонез в ми-минор. Я проследовал в направлении музыки, загипнотизированный, и вскоре набрел на нужную комнату. Я вошел – дверь была открыта, как большинство дверей в особняке – и замер. Музыка проникла во все уголки моей души и тела, завибрировала, засочилась, забрызгалась, прокатилась по мне вол-

ной, омывая нервные окончания и сливаясь в единое целое с моей детской еще душой.

Игравшему было, я предполагаю, лет тридцать. Наличествовали белобрысые волосы, зятянутые в хвост. В то время такими изображали злодеев в фильмах, и еще ученых-негодяев. Хозяйка, Миссис Уолш, стояла возле рояля, опираясь на крышку, и смотрела безотрывно на мужчину. Ей было, думаю, чуть меньше тридцати. На мой тогдашний взгляд — взрослая белая женщина со светлыми кудряшками и тяжеловатыми бедрами.

А потом вдруг музыка стихла. Мне это не понравилось, глупо. Я почувствовал, весьма отчетливо, что опус не доиграли до конца. Мужчина остановился на середине каденции. И вдруг сгорбился и даже прикрыл лицо рукой. Миссис Уолш собралась его пожалеть, весьма с ее стороны любезно, но даже тогда, в нежном возрасте, я был уже вполне эгоистичная свинья, требующая, чтобы вселенная вращалась вокруг моих личных нужд, чувств и капризов. Мне наплевать, какие у этой женщины чувства к мужчине, и как этот мужчина относится к миру и людям, я просто хотел, чтобы он закончил играть опус.

И я пошел вперед. Пока я шел к роялю, я придумал себе план действий. Следовало взять руку мужчины и положить ее на клавиши, там ей и место, и после этого я просто стоял бы рядом и смотрел бы на него невинно. Я ведь был прелестный маленький черный мальчик, и я об этом

знал, а также знал, что эта моя прелесть имеет кое-какую власть над богатыми белыми людьми. Я умел их заставить делать то, что я хотел. Не всегда, но иногда. Ничего серьезного. По мелочам. В общем, когда до рояля оставалось футов семь или шесть, мой план нарушила миссис Уолш – она взяла мужчину за запястья. За оба запястья. Одного запястья ей мало. Мне это очень не понравилось. Я продолжил путь к роялю. Их губы разделяло, не знаю, дюйма два наверное, когда я дотронулся до клавиши. Одна из мощных басовых клавиш, которые так эффектно и мягко звучат на Стайнуэе. Думаю, ми-бемоль во второй октаве, но не уверен.

Мужчина круто обернулся, типа – э! в чем дело! Миссис Уолш вздрогнула. Посмотрела на меня странно как-то, со страхом и раздражением. Затем страх исчез, и сделался у нее наплыв светловолосой взрослой ярости. Она на меня заорала.

Люди вообще очень часто на меня орут. Сперва они пугаются, а потом начинают орать. Будто я виноват, что они так несчастливы в браках и финансах.

Я слегка испугался. Я не знал, что мне теперь делать, и поэтому просто стоял, и тарасился на нее. Ей пришлось еще немного поорать прежде чем я понял, что от меня требуют немедленного отбытия из комнаты. И я побежал.

Маме я ничего не сказал, и миссис Уолш со своей стороны ничего не сказала, естественно, хотя, неопытный восьмилетний ребенок, я был уверен, что она скажет. Вообще-то с ее

стороны было бы логично попытаться меня подкупить — шоколадом или конфетой или еще чем-нибудь, а может она думала, что я достаточно взрослый, чтобы любить жареную курицу и арбузы. Терпеть не могу жареную курицу (хотя к арбузам я неравнодушен), но не в этом дело.

В общем, ничего не случилось в течении целой недели. Миссис Уолш наконец убралась из дома и из имения, и мне хотелось, чтобы она убралась с планеты тоже, но через три дня она вернулась в сопровождении своего престарелого мужа, который был какой-то, не знаю, большой адвокат, что ли. Не современного толка адвокат, но староденежный адвокат, выдающаяся уоллстритовая акула с большим количеством свободного времени. Мама моя его обожала. Честно. Мама всегда подозрительно относится к белым, говорит, что она им не доверяет, но на мистера Уолша она просто наглядеться не могла — в платоническом, конечно же, смысле. В ее глазах он был самый добрый, ангельски обходительный, честный, щедрый и так далее. Он всегда платил ей больше, чем она просила и всегда покупал что-нибудь для меня — шоколад, игрушки, книжки и прочее — а один раз он купил мне телескоп с помощью которого впоследствии отец мой делал ночные наблюдения, наставив линзу на окна дома напротив и ища голых женщин, пока мама его не поймала и не пригрозила разводом. Реквизировав телескоп, она отдала его сыну белой соседки. А мы еще жалуемся, что мало черных астрономов.

Так или иначе, Уолши провели в своей летней резиденции две недели. Я их избегал, как мог, но как-то в полдень старый мистер Уолш катался где-то на своей гнедой лошади, на той, которая мне не нравилась (неприязнь наша, моя и этой лошади, была взаимной, дура попыталась меня уку- сить однажды за плечо), и я решил, что миссис Уолш ката- ется с ним, и пошел в комнату, где стоял рояль, и открыл крышку, и дотронулся до клавиши, а потом до другой кла- виши. Я попытался разобраться, почему некоторые клавиши черные, а другие белые. Я попробовал комбинацию из двух клавиш. В конце концов мне удалось взять правильный ин- тервал, октаву, и уж поверьте мне, честное слово — я сразу понял, что имею дело с чем-то очень большим, вселенским. Возможно именно ми-бемоль в третьей и четвертой октаве, а может я просто романтизирую. Я взял интервал еще раз, и еще раз, снизу вверх. Минут через пять такой игры, я поло- жил левый указательный палец на нижнюю ми-бемоль, а пра- вый указательный на верхнюю, и нажал одновременно обе клавиши. Эффект получился несказанно красивый. В этот момент мне захотелось научиться играть так же хорошо, как играл тот мужчина, которого миссис Уолш собиралась пожа- леть, а я помешал. Ну, знаете, дети любят играть с музыкаль- ными инструментами, делая вид, что умеют играть на му- зыкальных инструментах, и на этом дело останавливается. Но не в моем случае. Я действительно хотел. Хотел играть по-настоящему.

Миссис Уолш вышла на меня сзади. Прикоснулась к моему плечу. Я быстро обернулся. На ней шелковый халат, а ноги босые. Наверное, поздно встала. Большая такая – мой нос едва доставал ей до талии. Стояла надо мной таким, знаете ли, большим богатым англосаксонским Голиафом, и очень бледный к тому же Голиаф, белые иногда бледнеют щеками и лбом, когда напуганы или разозлились, или и то и другое вместе.

Она сказала мне с такой, знаете, ненужной, чрезмерной четкостью в голосе, очень тихо и очень злобно, что мне не полагается трогать рояль – вообще никогда, ни сейчас, ни в последствии. Еще раз трону – будет плохо. Она спросила, понял ли я.

Маленький черный Давид хотел было ее успокоить, умиротворить, и пообещал, что он ничего не сломает.

Тут она и говорит – Я тебе сказала вообще не трогать!

Она мне явно не доверяла. Я молчал. Я отвел глаза. Затем я опять на нее посмотрел. Она сжала губы, подняла брови, сузила глаза, и сказала – убирайся.

Я мигнул, сглотнул, и побежал. Опять. Я ужасно тогда испугался. Даже поплакал, помню. Никогда до этого белые женщины так со мной не обходились.

В последующие две недели каждый раз, когда я замечал где-нибудь миссис Уолш, я бежал и прятался – в саду, в винном погребе, в стойлах (я часто заходил в стойла, чтобы подразнить лошадей, да и вообще я очень люблю лошадей –

люди утверждают, что они не хотят приносить вред, и я не знаю, что это означает, в то время как лошади действительно не приносят никому вреда, и это, на мой взгляд, гораздо лучше). Только один раз она меня поймала. Я слышал звук шагов, она обулась в сапоги для верховой езды, подошвы ударяли по асфальту – кляц, кляц – а затем по гравию, глине, и опилкам – грж, грж. Я спрятался за вороного, не сообразив, что это ее любимый конь. Она меня увидела, была шокирована, и закричала – вон! – очень громко.

Я побежал и упал, рассадив себе колени. Поднялся и побежал к калитке. От страха у меня болел живот.

IV

Лето кончилось. Уолши переехали в город, и мы с мамой тоже.

Моему брату было двенадцать лет в то время. Он считал, что он ужасно крутой, и презирал местных, и путался исключительно с ребятами из Аптауна, которые терроризировали этот самый Аптаун. Родители наши протестовали против такого положения вещей. Мама умоляла, папа читал ему лекции – все напрасно. Брат таскал везде с собою нож и одевался, как крутые ребята в те времена одевались – в стилизованной колониальной манере. Время от времени он меня бил, под любым предлогом, а на самом деле ему просто требовалась практика, а я всегда торчал под рукой и серьезного сопротивления оказать не мог.

Учился я в школе неплохо, ничего выдающегося. Мате-

матика и английский давались легко, и усилий я никаких не применял.

Дома музыкальные инструменты отсутствовали. У брата имелось стерео, поскольку так было принято в его кругу. У отца он унаследовал отсутствие слуха. Он слушал монотонные хриплые ритмы по ночам.

В школе стояли два рояля, один в аудитории, второй в музыкальном классе. Два года, дамы и господа – целых два года заняло у меня набраться храбрости, чтобы подойти и заговорить с учительницей музыки – совершенно выцветшей и опустившейся белой женщиной которая, как я теперь понимаю, была неудавшаяся оперная певица. Я сказал ей, что умею играть, но не знаю, что нужно делать левой рукой. Она не поняла. Она сказала, что ей нужно идти. Она поправила очки неуверенным жестом. Прождавший два года, я решил, что нужно идти напролом. Я стал настаивать. В конце концов она сдалась, бедная, и после занятий отвела меня в музыкальный класс. Никакой силы воли. Можно веревки вить. Мужчины наверняка этим пользовались всю ее жизнь.

Она сказала строго, Продемонстрируй, что ты имеешь в виду.

Большинство женщин, когда они понимают, что их используют, пытаются говорить строго.

Ее бесхитростное желание от меня избавиться выглядело очень трогательно. Я поднял крышку и указательным пальцем сыграл одну из дурацких песенок, исполняемых в пуб-

личных школах, и сочиняемых добронамеренными, но не даровитыми и не очень умными людьми с целью утвердить расовую гармонию в ученической среде.

Я сделал глубокий вдох и сказал своим тоненьким писклявым голосом – А как бы вы сами это сыграли?

Она нахмурилась и сказала – О, я не уверена, что понимаю, о чем ты говоришь.

Я сообщил ей название песенки. Она сказала, О! – и тут в глазах у нее возникла искра понимания. В то время я еще не знал, что у большинства профессионалов слух отсутствует, задавлен постоянной без разбору практикой. Она пошла к шкафу, открыла ящик. Порывшись, достала несколько книжек, полистала, и в конце концов нашла эту самую песенку.

Я всегда думаю о ней с улыбкой. Хочется вспомнить, как ее звали. Даже если бы она поняла, чего я от нее требую, сомневаюсь, что она смогла бы чему-нибудь меня научить. К формальному обучению у нее не было способностей, увы, и, подозреваю, она очень не любила детей. Разумеется, она никогда не говорила об этом вслух, но такое всегда заметно. Ничего особенно плохого в нелюбви к детям нет, хамоватый народ эти дети, маленькие толстокожие негодяи и подонки, но почему-то люди, которым не нравятся дети, чувствуют себя виноватыми. Из-за этого мы часто слышим от жеманных знаменитостей по телевизору что, мол, самая важная и впечатляющая вещь, которую они сделали в жизни – это произ-

ведение на свет детей. Будто другим произведение на свет детей недоступно или не по силам.

Все-таки учительница музыки, весьма обходительная женщина по натуре, сделала одну полезную вещь – написала мне на листке название книги, которую мне следовало приобрести, раз мне все это так, блядь, нужно. Не в таких выражениях она это сказала, конечно. Книга эта – ну, вы знаете, такой, типа, самоучитель – большой, тяжелый, неуклюжий и неумелый. Она показала мне обложку. Сказала, что охотно одолжила бы мне школьную копию, но не имеет права, увы. Школы часто приобретают всякое разное, чем впоследствии никто не пользуется. Справочники просто лежат в ящиках или стоят себе, невостребованные, на полках, собирая почтенную пыль.

Я попросил у мамы денег, а она спросила зачем. Я не знал точно, что именно она хочет от меня услышать. Поэтому ничего и не ответил. И в результате ничего не получил. Понятно, что к папе я обращаться не стал. Я решил, что наберусь наглости и поговорю со своим крутым старшим братом, носящим в кармане складной нож и проявляющим щепетильность по поводу одежды. Он, конечно же, надавал мне по шее, поскольку как раз пришел срок, и затем, от щедрот душевных, с нескончаемыми глумливыми ужимками выделил мне двадцать долларов. Я нашел нужную мне книгу в магазине на Восьмой Стрит и Шестой Авеню. Стоила она семнадцать долларов с мелочью, вместе с налогом. Я купил ста-

кан кока-колы в МакДональде напротив на то, что осталось, и нашел свободный столик.

Это теперь я начитанная скотина — от литературы с ума не схожу, но в разговоре могу выглядеть достойно, когда говорят о Бальзаке или Фолкнере. А в те времена я ничего не читал. Не было привычки. Изучение справочника превратилось в муку. Я чуть не сдался — раз шесть или семь хотел бросить. Не говоря уж о том, что рояля под рукой не было, и никакой вообще клавиатуры не было, которая могла бы дать мне какие-нибудь практические навыки в добавление к смутно проглядывающим отсветам теоретических знаний, вытаскиваемых мной в малых и трудных дозах из справочника. Три недели я провел, играя на фортепиано в уме и ни разу не заскочив дальше двадцатой страницы книги. Потом пришло лето, и мама опять нанялась чистить загородный особняк Уолшей, и я снова с ней поехал. События последующих двух месяцев решили дело. Уолши проводили лето в Европе, о которой я знал, что это такое место, которое нельзя увидеть, но следует вообразить, будто оно где-то там за морем, если смотреть из Рокауэй Бич или еще с какого-нибудь берега. В Европе обитают в основном белые, и все они ужасно богаты и живут как короли. Предполагалось, что это должно вызывать неприязнь. Я тогда, не очень задаваясь этим вопросом, думал что лично я был бы не против пожить как король, и если для этого необходимо быть белым — что ж, я не против быть белым. Так или иначе, комната с роялем

была моя пока мама убирала и вытирала пыль в особняке. Самоучитель и клавиатура наконец-то сошлись вместе.

Самоучитель — обращаю на это ваше внимание еще раз — оказался совершенной дрянью. Самоучители, как правило, вообще почти всегда плохие и глупые. Текст состоял из адаптированного для дебилов музыкально-жаргонного разглагольствования на тему, плюс ноты то тут, то там. Все это было составлено так нелепо, и так бездарно написано, что человек неподготовленный, если желал извлечь из справочника какую-то пользу, вынужден был посвящать много времени анализу неадекватного хода мыслей составителя, дабы понять, что же он имеет в виду — вместо того, чтобы практиковаться.

Прошло два месяца.

V

Снова Нью-Йорк. Отец мой купил мне велосипед. Я продал его на следующий же день в магазине на Второй Авеню и на вырученные деньги купил очень дешевую использованную пятиоктавную электронную клавиатуру в грязном магазинчике на Канал Стрит. Продавец-китаец заверил меня несколькими лающими фразами, что, мол, инструмент работает очень хорошо.

Некоторые из клавиш не работали. Я хранил клавиатуру в стенном шкафу. Она выводила меня из себя своим тренькающим звуком, пластиковыми легкими клавишами без баланса, совершенно нечувствительными к прикосновению, и от-

сутствием педалей.

Я сообщил папе, что велосипед украли. Он допросил меня, воображая себя заправским детективом и детским психологом, и сказал в заключение, что это я сам, дурак, во всем виноват, и больше ему сказать нечего, и пусть это будет мне уроком. Я согласился и сказал, что очень сожалею. Он не говорил со мной два дня. А я тем временем экспериментировал. И еще – я взял урок игры на фортепиано.

Нынче много говорят, и тихо, и торжественно, и громко, и в газетах про «равные возможности» и прочую хуйню, а только вам следует быть готовым пожертвовать уймой времени и достоинства, и стоять в очередях, и добиваться подписей от людей, которые предпочли бы вас не видеть, и от их жирных секретарш, которые вас открыто презирают и жрут свою жирную помойную еду прямо перед вашим лицом, причмокивая, обсасывая пальцы, и рыгая удовлетворенно. Субсидируемые правительством уроки – смешно. Равенство начинается с момента, когда вы можете заплатить пятьдесят или больше долларов в час кому-нибудь кто (хотелось бы верить) сможет вас наставить на путь истинный. А почему, спросите вы, родители твои не могли заплатить за твои уроки? Что ж. Могли. Но ... Нет, не желаю об этом говорить.

А был он старый джазист, и жил в гордой нищете в облезлом, набитом крысами здании на Авеню Си. Играл почти каждый вечер в вычурно освещенном кафе на МакДугал. Ну, вы знаете все эти так называемые пиано-бары на МакДугал –

администрация и персонал состоят исключительно из подонков, и посетители тоже подонки. Я преградил ему путь в тот момент, когда он, бросив окурок, направился было в заведение, чтобы начать смену. Я спросил, дает ли он уроки. Он послал меня на хуй и вошел в кафе. Грубость в общении с детьми – признак плохого воспитания. На следующий день я опять к нему пристал, и он опять меня послал на хуй. Так продолжалось неделю. Ему надоело. Мои умоляющие просьбы его больше не забавляли. Он велел мне придти к нему домой и принести сорок долларов.

Я попросил папу купить мне роликовые однополосные коньки. Папа поморщился, зашел после работы в Игрушки и Куклы в Юнион Сквере и купил мне пару, на два размера больше, чем нужно.

Все знают, какие коньки можно купить в Игрушках и Куклах за сорок долларов. Пожалуйста, уж вы мне поверьте – мои родители вовсе не богаты. Были времена, когда маме приходилось экономить на всем, чтобы заплатить за квартиру. Но, видите ли, эта самая плата за квартиру превышала тысячу долларов в месяц, а в те времена это была весьма значительная сумма, в то время как приличная пара роликов стоила долларов сто пятьдесят или двести.

Я завладел квитанцией от покупки коньков. Мама хранила все квитанции в старом ящике из-под обуви – привычка, характерная для всего американского среднего класса, вне зависимости от возраста и цвета кожи. Я доставил квитан-

цию в Игрушки и Куклы и, после долгих дебатов (они там думали, что мне нужны средства на наркотики и проявили обо мне заботу, хотели спасти) мне выдали деньги. А затем предупредили, что позвонят моим родителям – проверить. Я дал им номер. Не наш номер, естественно, а просто номер, который вдруг пришел мне в голову, чьи первые три цифры говорили о нижнеманхаттанском месте жительства абонента.

С сороковником в кармане я появился в квартире пианиста сразу после школы.

Угадайте, что было дальше!

Мужик оказался абсолютно беспомощным. Даже тогда я это понял. Он играл все подряд совершенно одинаково – в такой, знаете, непритязательной, поверхностной манере, гладил клавиши. Время от времени его возбуждало собственное исполнение, и тогда он повторял один и тот же пассаж три или четыре раза, восхищаясь собой. Инструмент у него был – Ямаха, джазовая, тренькающая, но в хорошем состоянии. Он понятия не имел, как нужно давать уроки, и поэтому он просто показал мне, как он сам играет, а затем потребовал, чтобы я сыграл для него какую-нибудь песню, чтобы ему было видно, в чем состоят мои ошибки. Я сделал так, как он просил. Он действительно указал мне на некоторые ошибки. Я снова что-то сыграл. Он оскорбил меня и моих родителей, и засмеялся. Он приложился к большой ромовой бутылки, велел мне отойти от инструмента и заверил ме-

ня, что теперь-то он действительно мне покажет, как нужно играть на самом деле.

Помню, он говорил специальным хрипловатым тоном, будто тайну великую открывал. Мол, ты, пацан, должен войти в настроение. Ты должен почувствовать настроение своими маленькими костями. Нужно почувствовать блюз, брат, и потом слушать свой собственный ритм, понял, ритм, тот, что внутри твоего пацанского маленького сердца, после чего тебе следует отрастить большой хуй.

Обыкновенный и очень старый треп, которым балуются все бесталанные, плохо обученные музыкальные ремесленники во всем мире, только белые говорят в таких случаях — *чувство*, в то время как черные обязательно упоминают *ритм*.

И все-таки урок не пропал даром. Наблюдая за тем, как старый шарлатан мучает инструмент, я заметил и запомнил несколько трюков которые, думал я, я попробую сам, как только приду домой. В виде выстрела под занавес он объяснил мне, что белых слушать не нужно. Никогда. Хонки, сказал он, ничего не понимают в музыке потому что у них нет сердца (т. е. того самого органа, по его словам, в котором и зарождается ритм, а все остальное исходит от души, которой у белых тоже нет).

Месяц спустя, по наитию, я зашел в Замковые Записи на Лафайетт. Мне наконец повезло. На большом рекламном экране играли видеозапись начинающего, очень молодого,

но быстро поднимающегося ввысь звездного пианиста. Лет тринадцать ему было.

Думаю, это просто удача, что у меня такой характер – я никогда ничего не принимаю как должное. Маленький пиздюк играл какой-то опус Шуберта. Торс его ходил спиралью, а на абсурдно уродливом лице застыла неприятная гримаса, которая по задумке должна была, очевидно, передать зрителю, что исполнитель находился либо в дичайшем приступе боли, либо на грани оргазма. Один раз до этого я видел, как мой брат занимается онанизмом, и было похоже. Благодаря врожденному скептицизму я ни на секунду не предположил, что именно так должны себя вести за клавиатурой пианисты. Мне было лет пять или шесть, когда я видел черно-белый фильм, в котором главный герой играл, уж не помню, что именно, какой-то декоративный опус восемнадцатого столетия, и я, помню, восхитился, по наивности – а может, из-за детской мудрости, позой и осанкой актера – прямая спина, прямая шея, глаза едва смотрят на клавиатуру. Достоинно и элегантно.

Пошлая и дешевая видеозапись, но тот, кто ее делал, иногда (реже, чем мне хотелось) обращал внимание камеры на собственно технику исполнения, то есть на пальцы и клавиши. Таким образом, несмотря на серию неуместных крупных планов и претенциозных ракурсов, мне показалось, что я что-то там для себя ухватил. Я спросил бледную прыщавую девушку за кассой что именно там играют, и она посмот-

рела на меня будто я только что прибыл с Малой Медведицы с расчетом вселиться к ней в квартиру, а потом сказала, что не уверена. Она позвала кого-то по имени Зак, и этот Зак, с кольцами в носу и бровях и японскими татуированными символами на лице и шее, притащился вперевалочку и некоторое время потратил на осознание ситуации. В конце концов он остановил запись и что-то долго выяснял, руководствуясь данными каталога. Затем он сказал мне, что играет ужасно знаменитый русский пацан, запись давняя, он еще совсем пацан был тогда, а теперь вырос. Он чрезвычайно удивился, когда понял, что я интересуюсь автором и названием опуса, а не пацаном и русскими. Он назвал три разных имени, глупо и пошло сострил, сообщил мне, что запись можно купить с двадцатипроцентной скидкой, и в конце концов отошел к звонящему телефону.

Придя домой, я попросил у своего брата двадцать долларов в долг, обещая, что буду экономить на ланчевых деньгах и расплачусь при первой возможности. Он сказал, с процентами. Я спросил, с какими. Он сказал, сорок долларов через два месяца. Дамы и господа, пожалуйста поймите – выбор? Нет выбора! Я принял его условия. Альтернативные методы добывания искомой суммы казались, да и были наверное, слишком рискованными для человека, берегущего себя для будущих великих свершений.

В тот вечер я терпеливо ждал, пока вся семья не уйдет спать. Мама очень меня обязала, уйдя в спальню рано, но па-

па уснул на диване перед телевизором, как он часто делал, так что мне пришлось пошуметь в гостиной. Он проснулся, наорал меня за шум, встал, и удалился в спальню, еще раз выйдя, чтобы забрать очки, и потом еще раз, чтобы пописать. Я подождал еще минут сорок. Сделалось два часа пополудни. Я выволок мою клавиатуру в гостиную, загнал запись в плеер, и начал смотреть и слушать. К шести утра я обнаружил, что могу сыграть весь шубертовский опус – за исключением басовых нот, которые в моей клавиатуре отсутствовали.

VI

...На аэропортовом автобусе он доехал до метро, а на метро до Манхаттана. У него не было ни связей, ни планов, ни денег, помимо семидесяти долларов, которые он заработал за смену, предварительно дав хозяину девяносто. Следовало выпить, и нужна была приятная атмосфера. Комбинация этих двух факторов привела его в небольшой пиано-бар с задернутыми занавесями на окнах, на юго-западной кромке Челси.

Десять часов вечера. Посетителей мало. Пианист, подвизавшийся обычно в этом баре, уяснив, что много на чай ему сегодня не дадут, ушел домой – там у него, видимо, имелись более интересные дела.

Юджин попросил виски, пригубил, поставил стакан на стойку и стал сворачивать и разворачивать бумажную салфетку, почесывая время от времени бровь и пытаясь справиться с мыслями. Приняв решение, он перегнулся через стойку и помахал бармену рукой.

– Слушай, – сказал он вежливо. – Не возражаешь, если я поиграю немного? На клавишах?

Бармен взглянул на него будто в первый раз.

– А ты умеешь?

– Ага.

– Хмм. А ты какую музыку играешь?

– Любую.

Бармен ухмыльнулся скептически.

– Так-таки любую?

– Да.

– Ладно, – сказал бармен, разглядывая Юджина. Он хмыкнул. – Любую, а? О фортепианном концерте Шуманна, к примеру, слышал?

– Вроде да.

– Вроде? Хмм, – бармен пожал плечами, закатил глаза и отошел лениво, не видя смысла в продолжении разговора.

Пока он обслуживал жирную с хриплым голосом лесбиянку в хаки, которая желала мартини, смешанный в точности с ее представлениями об этом напитке и никак иначе, Юджин соскочил со стула, запрыгнул на возвышение, на котором стоял спинет, и поднял крышку.

Не Стайнуэй, конечно.

Как все незнакомые инструменты, по началу спинет решил оказать сопротивление новому повелителю. Первые пять тактов, хотя и заставили бармена оглянуться и строго посмотреть в сторону играющего, прозвучали совершенно механически. Юджин сжал зубы. Нельзя было терять времени – его целью было произвести впечатление, пока хозяин следит. Он собрался. Ля в третьей октаве нужно было в настройке. Юджин на ходу поменял тональность. Минуты две спустя он почувствовал, что все в порядке – инструмент начал подчиняться. Музыка полилась свободно, расплываясь

по помещению, вибрируя, изменяя структуру пространства. Толстая лесбиянка все еще не была удовлетворена консистенцией своего мартини. Два других клиента – мужчина и женщина, за пятьдесят – не обращали внимания на музыку, им все равно. Но бармен был поражен.

Юджин игнорирует этот эпизод и этого человека в своем дневнике. Чтобы не сойти с ума в равнодушном окружении, художник время от времени прибегает к неблагодарности как к способу существования. Так надо. Иногда просто выбора нет.

Бармен – мелочен, мстителен, скуповат, плохо образован, чудовищно закомплексован и часто труслив, но имелась у него в жизни страсть – музыка. Он нанял Юджина, чтобы тот играл три вечера каждую неделю, и две недели спустя нашел ему вторую работу в другом пиано-баре (гораздо приличнее, чем его собственный, на Верхнем Ист Сайте). Он понимал, что профессионализм Юджина находится пока что в зачаточном состоянии. Он давал Юджину советы, которые тот намеренно игнорировал. В те вечера, когда клиентов было мало, он сам добавлял несколько купюр в чашу на верхней крышке спинета, когда Юджин уходил на перерыв. Он нашел Юджину неплохую квартиру, лучше той, что раньше, и не его вина, что, когда доход Юджина вдруг упал, а плата за квартиру поднялась, начинающий амбициозный пианист столкнулся с необходимостью найти руммейта².

---

² Руммейт (roommate) – делящий с кем-то квартиру и платящий часть квар-

Вопрос. Юджин, талантливый и верный своему призванию – почему он не мог поступить в Джулиард сразу по окончании школы? Почему об этом не говорили ему – его учителя музыки, его друзья, или хотя бы его родители – почему не советовали ему пойти туда, куда идут талантливые музыканты?

Ну, во-первых, школу он так и не закончил. Имелись и другие причины. «Индоктринация и творчество несовместимы», пишет упрямый и капризный Юджин в своем дневнике.

Что касается его родителей – мать относилась к его занятиям музыкой скептически, а отец открыто возражал, не желая, чтобы сын его стал профессиональным музыкантом. Брат отца, саксофонист, пробродяжничав несколько лет, женился на женщине с очень плохой репутацией и теперь жил, по слухам, в нищете и разврате на юге Франции, посылая время от времени родне открытки хамского содержания. Подсознательно, отец Юджина боялся, возможно, что занятия музыкой дадут толчок некоторым чертам, унаследованным генетически.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮДЖИНА ВИЛЬЕ —

Идея организовать музыкальную группу пришла мне в голову неожиданно и была, скорее всего, просто реакцией

на ежедневные музыкальные экзерсисы Фукса. Когда он начинал греметь на своей бас-гитаре – в десять утра, каждое утро, друзья мои! – я, как правило, еще спал, поскольку предыдущей ночью работа, да и после работы всякое. Все здание дрожало от фуксового баса. Следовало что-то придумать, чтобы музыкальная энергия просыпалась в нем позже, или чтобы он спал подольше.

Я сказал, слушай, мужик, почему бы нам не организовать группу?

Я стоял в халате посередине гостиной, с противным вкусом во рту, с трудом держа глаза открытыми. Фукс перестал греметь и оглянулся на меня через плечо с таким видом, как будто я только что открыл ему смысл его жизни.

Он говорит – Это просто гениально, мужик.

Очень может быть. Миллионы людей всю свою жизнь работают на паршивых работах, экономят, пытаются сводить концы с концами, платят за жилье, платят налоги, сидят на диетах, смотрят телевизор, и прочее, но мысль, что надо бы организовать музыкальную группу никогда не приходит им в голову. Стало быть, действительно гениально.

Фукс говорит – А сколько нам нужно для этого народу? Эй, слушай, а певец нам нужен?

Что Фукс хорошо умеет – так это действовать людям на нервы.

Я сказал ему, раздраженно – Сперва давай составим группу. Нужны барабанщик и ведущая гитара. И, может быть,

саксофон.

Он говорит – Эй, а саксофон-то зачем?

Я сделал серьезное лицо, многозначительно поднял указательный палец, и сказал – А спецэффекты?

Он понятия не имел, о чем я. Тем не менее Фукс, глядя на мой указательный палец, торжественно покивал. Старина Фукс.

Я сделал себе яичницу. Фукс решил составить мне компанию в кухне. Еще одна неприятная его черта – он все время путается под ногами.

Он говорит – Ну, хорошо, ты знаешь кого-нибудь?

Я поставил тарелку на стол и вооружился вилкой. Очень люблю яичницу, и когда я ем, то не желаю, чтоб меня часто и суетно прерывали. Разговор за едой следует вести медленно и лениво, со множеством пауз – жевать задумчиво, проглатывать со знанием дела, и переваривать со значением. Я не ответил Фуку.

Но Фука не удержать. Он продолжил, типа – Хорошо, я знаю одного парня. Из Гарлема. Паркер. Его зовут Паркер. Большой такой ухарь. Может барабанить сутками. Это все, чем он занимается целыми днями. До недавнего времени он барабанил в метро, пока не стали гонять.

И я сказал – Хорошо. Найди его. Можешь?

Фукс говорит – Ну дак! Мой двоюродный брат его знает. Надо, блядь, ему позвонить прямо сейчас.

Я говорю – Эй, эй, не спеши, брат. Было бы лучше, если бы

мы нашли сперва гитариста.

Фукс вдруг просветляется и говорит – Никого не знаю, брат. Гитариста найдешь ты. Раскидай по городу листовки, ниггер, или помести на хуй объявление в ебаной газете, брат. Кстати, брат, что именно мы будем играть, какую музыку?

Я положил вилку. Я ухмыляюсь как безумный, но на Фукса ничего не действует. Тогда я ему говорю – А тебе-то что, брат? Ты играй на своем баса. Я скажу тебе, какие ноты когда играть.

Он крепко подумал и в конце концов сказал – блядь, на хуй, наверное ты прав, мужик. Мне это никогда не приходило в голову, на хуй. Я все могу играть. Блюзы, и все что угодно, ниггер. Что мне сказать моему двоюродному брату?

Скажи ему, что будем играть рок, джаз и блюзы.

Ну да? Все это будем играть, на хуй?

Да.

Паркер-барабанщик обнаружился три дня спустя. Мы взяли напрокат ... Хорошо, я ... я взял напрокат ... в общем, относительно дешевую репетиционную студию в огромном бывшем индустриальном здании, принадлежавшем кому-то, кого звали Уайтфилд, или что-то в этом роде. И провели мы пробную репетицию.

Для человека, до того момента стучавшего в четыре пластмассовых ведра в метро, Паркер был неплох. Но моим задумкам он не очень соответствовал. Мне вменялось – улучшить и утончить. Самый утонченный аспект игры на ба-

рабана в подземке — грохотать громче, чем поезда. На поверхности этого мало. Туристы и даже некоторые популярные музыканты *думают*, что этого достаточно. На самом деле нет. Я показал Паркеру кое-какие приемы. В конце концов я сыграл ему на рояле увертюру к «Летучему Голландцу», в моем собственном переложении. Увертюра не сильно его впечатлила, но все-таки он начал больше обращать внимание на музыку и в конце концов сообразил, что темп может меняться, и не один раз, во время исполнения опуса. Я объяснил ему про джаз. Он не понял. Я объяснил еще раз. Он старался. И снова старался. И в конце концов стало звучать неплохо.

Мы условились встретиться в следующее воскресенье, в полдень. Я обещал найти к тому времени гитариста.

VII

В следующую пятницу у Юджина был ангажемент в модном ресторане, где он подменял иногда постоянного пианиста – тот заболел и, по словам Юджина в поспешной дневниковой записи, «помер бы к свиньям, если бы парамедики не приехали быстро и не вогнали бы ему в вену что-то, что нейтрализовало или сбалансировало то, что он вогнал себе в вену до этого». Сделался один из тех странных дней в марте, когда погода в Нью-Йорке готовится и раннеапрельской буре, включает обогрев на какое-то время, путая метеорологов и деревья. Семьдесят градусов в тени по Фаренгейту, без ветра. Огромные окна ресторана – стеклянные стены, на самом деле – стояли открытые настежь. Акустика отвратительная. Менеджер заведения огорошил Юджина с самого начала, запретив поднимать массивную верхнюю крышку кабинетного рояля. Юджин сел на рояльную скамейку и некоторое время просто сидел, дуясь на менеджера. Делу это не помогло. Поправив манжеты, распрямив спину, вдохнув глубоко, Юджин очень свободно сыграл первые несколько тактов «Апассионаты», что и привело менеджера обратно к роялю.

– Тихая музыка, друг мой, – сказал он с яростным восточноевропейским акцентом. – Ресторан. Люди едят. Играть тихо. Окей?

И он ушел.

Униженный и злой, Юджин прекратил игру. К небрежным бездумным оскорблениям привыкаешь, но стенка, отделяющая тебя от аудитории, не всегда выдерживает удары, ее можно пробить, и начинаешь ты в конце концов обижаться, особенно если ты изначально в плохом настроении, и не успел подготовиться, и у тебя нет на примете гитариста, который мог бы гарантировать успех твоей группе.

Почему именно группе? Зачем Юджину группа? Потому что собрать оркестр требует значительно больших усилий.

За столом рядом с роялем помещалась колоритная пара – маленькая индийская женщина и большой рыжий очкастый парень в конторном костюме. Комментарии парня действовали на его подругу странно – время от времени она издавала стеснительные смешки. Впечатление было, что у нее нет чувства юмора и она просто изображает веселие – из вежливости. А парень, наверное, какой-нибудь менеджер из нижнего эшелона.

В конце концов девушка его поднялась и ушла искать туалет. Рыжий встал во весь немалый рост, потянулся, зевнул, и шагнул на подиум.

– Не возражаете, если я задам вам личный вопрос? – спросил он, делая серьезное лицо. Юджин кивнул. – Так, хмм ... – рыжий подумал немного. – У вашей герлфренд³ – боль-

---

³ Герлфренд (girlfriend) употребляется в просторечии. Многие слои американского общества считают это слово «приличным» вариантом слова «любовница» (mistress).

шие сиськи?

Слово герлфренд почему-то далось ему с трудом.

– Не знаю, – ответил Юджин, наклоняя голову и изучая неровный узор на дешевом галстуке молодого менеджера. – Я почти никогда на них не смотрю.

– Понял, – сказал парень. – Воистину, я не виню тебя, о музыкант. Твои предпочтения твоими и останутся. А это правда был Бетховен? То, что ты играл давеча?

– Да, – ответил Юджин, раздражаясь.

– Ладненько. Ну-с, так. Я не утверждаю, что разбираюсь в ... как бы это определить ... в симфонической музыке – а может, ты предпочитаешь называть такую музыку оркестровой? – но в любом случае, на прошлой неделе я смотрел по телевизору «Кольцо Нибелунгов», Вагнера ... – он сделал большие глаза и заговорщически поднял брови, – ну знаешь, из Мета? Смотрел подряд. Не мог, прямо-таки, оторваться от экрана. Бетховен мне знаком потому, что моя бедная дорогая тетушка давала мне уроки, когда я был всего лишь младенцем. Но если бы вам, друг мой, захотелось бы осведомиться у меня, кто и когда написал такую-то оперу или такой-то концерт, я не смог бы ответить, поскольку...

Когда же он оставит меня в покое, уныло подумал Юджин. И что за претенциозная фразеология? Чего он кривляется?

– Тебе нравится «Кольцо»? – спросил рыжий.

Точного ответа на этот вопрос у Юджина не было.

– Нравится, – сказал он.

– Можешь что-нибудь сыграть из «Кольца»?

– Да. А что?

– Вот! – сказал парень, но не в смысле «вот видишь!», а в библейском ключе, как говорится в Писании, например – «И, вот, некоторые из книжников сказали сами себе, Он богохульствует». – Не совсем я похож на некоторых inferнальных подонков, к которым исполнитель подлизываться вынужден в сием прелестном заведении, не так ли? Скромно попросил я тебя, и, из уважения к твоему умению, о исполнителе, кое умение удивляет степенью немалой. Не предложу я и денег тебе, исполнитель. Да, да, не думай. Я ничего не собираюсь класть в этот твой ... мутный аквариум на крышке рояля. Если хочешь – сыграй. А нет – так бренчи джаз, не обижусь.

Чаевые составляли немалую часть выручки, поэтому Юджин даже расстроился слегка.

– Хорошо, – сказал он. – Буду бренчать джаз.

– Дело твое, – сказал рыжий. – А только я бы действительно ... хотел бы послушать Вагнера. Прямо сейчас. Это скрасило бы мне тоскливый вечер и принесло бы мне радость и утешение. Но чу! Кто-то идет.

Юджин наконец-то понял, что рыжий слегка пьян.

Чопорная дама среднего возраста материализовалась рядом с роялем и сказала:

– Простите, – рыжему.

Он неодобрительно на нее посмотрел, поправил очки,

и чуть отодвинулся в сторону. Положа ладони на крышку рояля, дама наклонилась к Юджину. Рыжий тут же прилип глазами к ее ягодицам и, после короткого осмотра, презрительно пожал плечами.

– Мой муж очень робок, – сказала она с официальной любезностью, чуть улыбнувшись.

Ее показное добродушие пришлось Юджину совершенно не по вкусу.

– Не могли бы вы сыграть «Летний Ветер»? Специально для моего мужа?

Она положила пятидолларовую купюру в аквариум.

– Думается мне, – сказал рыжий строго, – что вам необходимо делать вашему досточтимому супругу минет время от времени. И в самом деле, это излечило бы его от излишней робости, да и в любом случае это лучше, чем заставлять честных музыкантов исполнять всякую гадость, которая явно не является частью их обычного репертуара. Стыдитесь.

Юджин нервно провел пальцем по басовым клавишам, не нажимая. В воздухе запахло тревогой и беспорядками.

– Вы негодяй, – сообщила рыжему женщина.

– Можете и мне сделать минет, это даже лучше, – предложил услужливо рыжий. – Готовы ли вы к такому обороту дел, о злая фея судеб? Обвиты пухлые губы вокруг куполы страстной, и пальцы мягкие ласкают нежно тестикулы влажные. Эй, куда грядешь ты, о прекраснейшая из прекрасных?

Она ушла надменной походкой. У Юджина появилось

предчувствие, что данная вечерняя смена станет для него в этом заведении последней.

– Зря ты это, – заметил он рыжему. – К тому же, ты не сказал ей, почему это будет «даже лучше». Неужто тебя не учили в твоей школе предпринимателей, что некоторые вещи нельзя говорить публично, и степень их правдивости роли не играет?

– Ты даже не представляешь, каким глупостям учат нынче в школе предпринимателей, – сказал рыжий. – Не заводите меня, я до утра не остановлюсь.

– Ты любишь поговорить?

– Свобода слова, – заметил рыжий. – Первая Поправка к Конституции.

Юджин выпрямился, поправил манжеты, и начал играть «Летний Ветер», импровизируя гармонию. Рыжий уходить отказывался, и вдруг начал смеяться.

– Да перестань ты, – сказал он. – Это не твое, мужик. Не умеешь ты импровизировать. Ты другим силен, о доблестный.

Юджин проигнорировал замечание и лихо вошел во второй куплет, расцветив аккомпанемент. Рыжий опять засмеялся. Подошел менеджер.

– Извините меня, сэр, – сказал он рыжему авторитетным голосом. – Вам следует сейчас же уйти.

– Нет, я так не думаю, – ответил рыжий с пресыщенной томностью в голосе, разглядывая менеджера критиче-

ски, но не зло. — Ты да я, мы оба знаем, что в глубине души своей ты находишь меня привлекательным и желаешь страстно, чтобы я остался. Не сопротивляйся желанию, признайся себе, о невежественный.

— Сэр.

Рыжий сделал строгое лицо и сунул руки в карманы.

— Сэр, — сказал менеджер безапелляционным тоном. — Пожалуйста, покиньте помещение.

— Не могу, — объяснил рыжий комически холодным тоном. — Стареющая сварливая матрона, коя, я уверен, все еще чарует мужчин, несмотря на жировые отложения и морщины, она — крепкий орешек. Нет, нет, сэр. Она только что грозилась сделать мне минет. Терпеть не могу, когда такое случается — она ведь совершенно не в моем вкусе. Но она непременно последует за мной, если я сейчас выйду. Ты ведь знаешь, какие бывают женщины. А может и не знаешь. В любом случае, я подожду, пока уйдет она. Так безопаснее.

— Так. Это твой друг? — спросил менеджер, поворачиваясь к Юджину.

Юджин поступил бы разумно, отделив себя от развивающихся событий. К начинающейся баталии он не имел отношения. У него имелся свой номер, который он здесь исполнял, и за который ему платили. Отведи глаза. Извинись. Отрицай. Все что угодно.

— Да, — сказал Юджин, начав неожиданно играть «Лесные звуки». — Он мой друг. Это, наверное, нехорошо?

У каждого художника есть порог отвращения, особенно когда туго с деньгами.

– Вот, намного лучше, – сказал рыжий, имея в виду музыку, а затем, повернувшись к менеджеру, добавил, – Вот, послушай, как человек играет. Здорово. Правда?

Но менеджер не впечатлился.

Фирменные вагнеровские лейтмотивы заполнили помещение. Юджин почувствовал ветерок вдохновения. Пальцы его заскользили вверх и вниз по клавиатуре. Неожиданно он скрестил руки, и, наращивая аккомпанемент левой рукой в верхних регистрах, потянулся к басам и сыграл главную тему Зигфрида с такой небесной ясностью, что даже сам удивился. Глаза рыжего широко открылись. Посетители один за другим повернули головы к роялю. Появился вышибала.

Был он большой, плотный мужчина, одетый в такой же дешевый костюм, как рыжий. Сочетание бесстрастного, замершего лица с низким хриплым голосом выдавало кокаиниста. Он был бы хорош в роли главного жреца в «Аиде», подумал Юджин. И чуть было не сказал это вслух, но вдруг заметил, что рыжий снимает очки и прячет их очень тщательно в нагрудный карман пиджака.

– Сэр, – сказал вышибала монотонно. – Вам следует уйти.

– Тварь непокорная, в четверг пойдешь смиренхонько ты в церковь, – тихо и отчетливо сказал рыжий перед тем как веско объявить, щурясь на вышибалу, – Зрение мое – не то, что в молодости, но все же я до сих пор различаю ... а? что?

... ага! – формы! Я различаю формы. Общие очертания.

– Сэр, – сказал вышибала, протягивая руку, чтобы схватить рыжего за локоть.

VIII

Ему не часто приходилось применять силу. Телосложение его служило грозным предупреждением желающим вести себя безответственно в его присутствии.

На рыжего эта особенность вышибалы не произвела никакого впечатления. Помимо этого, молодой конторский работник видимо не очень любил, когда вышибалы его лапали. Он отступил в сторону, и рука вышибалы не достала до его локтя. Вышибала понял, что сейчас ему придется применить силу. Удивленно, медленно он повернулся к рыжему. В этот момент возмутитель спокойствия пнул его в пах.

Вышибала крикнул на весь ресторан, зарычал, завыл, и даже захныкал, все это одновременно, согнувшись пополам. Рыжий ударил его ногой в лицо. Несколько брызг хлынувшей крови попали на клавиши верхних октав. Юджин был уже на ногах. Схватив «аквариум», он перевернул его над скамейкой и поставил обратно на крышку. Рыжий стремительным жестом сорвал аквариум с крышки и разбил его об голову вышибалы. Юджин в это время заталкивал купюры в карманы.

Огромный вышибала лежал на полу, на боку. Некоторые из наблюдавших за сценой устремились к выходу, некоторые повынимали сотовые телефоны, чтобы звонить в полицию. Окно позади Юджина, от пола до потолка, темнело пригласи-

сительно. Решившись, он прыгнул в него, чуть подвернув ногу, поскольку тротуар оказался на несколько дюймов ниже, чем он рассчитывал. Рыжий приземлился рядом почти одновременно с Юджином.

– Вот, – сказал Рыжий. – Смотри. Лексингтон. – Он указал направление рукой. – Поймаем такси. Вперед, волочи жопу. Они побежали.

– Можно было просто повернуть за угол, – сказал Юджин, тяжело дыша.

– Не в этом районе, – огрызнулся рыжий.

И был прав.

Светофор только что переключился, и стадо свободных такси пошло волной вниз по Лексингтон, ища клиентов. Рыжий поднял руку. Они забрались в машину и таксист влился снова в автомобильную волну, и в этот момент две полицейских крузера, ревя сиренами, промчались по поперечной улице сзади.

– Извини, мужик, – сказал рыжий.

– А с девушкой что будешь делать?

– Она уже большая. Созрел плод ветреный восточной грации. Она найдет дорогу домой, не консультируясь со мною в отношении маршрута. Помимо этого, не стоит мне с нею видеться доле. Последнее время она мне досаждала. Ну, не важно. Так под каким же именем живешь ты на свете, добрый рыцарь, то есть, маэстро? Как тебя зовут, шеф?

Юджин помедлил, но все-таки сказал, – Юджин.

– А меня Джулиан.

Он протянул руку. Юджин снова помедлил, но в конце концов пожал руку.

– Слушай, мужик, – сказал он. – Я из-за тебя потерял очень неплохое место.

– Эй, – Джулиан пожал плечами. – Я ведь не обязывал тебя говорить менеджеру, что я твой друг, не так ли.

– Не знаю, зачем я это сделал.

– А он тебе не нравится.

– Кто?

– Менеджер.

– Менеджеры никому не нравятся.

– Не хочешь ли ты мне сказать, что зарабатываешь себе на жизнь, играя пошлые песенки в мещанских ресторанах?

– В основном в барах. Когда мне позволяют.

– А, блядь, – извиняющимся тоном сказал Джулиан. – Ну тогда прости меня, мужик. Я просто ... хмм ... – Он покачал головой, будто только что понял всю глубину случившегося. – Да, я очень виноват перед тобой.

– Ты вышибале нос сломал.

– Не думаю. Пару зубов выбил, правда. Ничего, придет в себя. Его наверное прямо сейчас уже везут в лечебницу. Ну, может не прямо сейчас, но в очень скором времени он будет как новый, уверяю тебя. Могло быть хуже. Этот дурак просто напрашивался, чтоб ему колено дислоцировали. Знаешь, когда сдвигаешь человеку чашечку, это навсегда. Почи-

нить нельзя. Он счастливчик, ему очень повезло.

Он снова покачал головой, на этот раз поражаясь количеству удачливости, выпадающему на долю дураков. Юджин засмеялся. Джулиан вытащил очки и надел их, возвращаясь в прежнее свое состояние – менеджер нижнего эшелона, возможно с Верхнего Вест Сайда.

– Ты всегда так?...

– Всегда ли я склонен вести себя эксцентрично в публичных заведениях? О, не знаю, – протянул Джулиан, вальяжничая. – Я был в настроении, скорее всего. Может, твоя музыка меня вдохновила. Да, именно она, скорее всего.

– Не следовало быть таким ... э...

– Непримируемым?

– Жестоким. С вышибалой.

– Еще как следовало. Ты что, шутишь?

– Зачем?

– Ну что мне тебе на это сказать, Юджин. Как у большинства белых, у меня стеклянная челюсть. Мне нельзя допускать, чтобы меня ударили. Мне необходимо давать негодьям понять, с кем они имеют дело – быстро и решительно, пока они не пришли в себя. Ты что! Слушайте, маэстро, а нельзя ли ... что бы мне такое сделать, чтобы компенсировать ... потерю вами вашего места в заведении? Перспективы у меня не очень солнечные, но, вот, Юлианус Магнус может быть полезен друзьям своим очень многим, хоть это и не бросается сразу в глаза. В общем, так – что я могу для тебя сделать?

И могу ли?

– Можешь. Найди мне ведущего гитариста, – сказал Юджин сварливым тоном. – У меня послезавтра репетиция.

Это заявление слегка удивило Джулиана. Выдержав паузу, позволив себе мысленно переключить скорость, он сказал, —

– Эй, – чуть стыдливо, и не обычным своим игривым тоном. – Я играю. Немного, но играю. На гитаре.

– Не устраивает. Мне нужен кто-то кто играет много.

Джулиан издал смешок – стыдливый.

– А ты дай мне возможность себя показать, – сказал он неожиданно аристократическим тоном. Невозможно было определить, шутит он или нет. – А? Может, я тебе подойду. – Его брови быстро заходили вверх-вниз.

Юджину нечего было терять. Он дал Джулиану адрес зала. Из такси он вышел у Юнион Сквера. Джулиан поехал дальше.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮДЖИНА

Утром я проснулся с головной болью. Надел халат и потащился в кухню делать кофе. Фукс сидел за столом, изучая компьютерный каталог. Фукс без ума от компьютерных игр. Рядом с апельсиновым соком стояло на столе портативное радио, крича хриплым голосом Джонни Би —

I put on a jacket like Don Quixote's,
And still the bitch passed me by and wouldn't take no notice,
So I pushed her in the face and I said, «Hello?
«How's your big fat Mamma and Daddy-o?»
She goes, «Pretty boy, I hear your sneakers squeakin».
Show me whatcha got if you don» min» mah peekin».»⁴

Я выключил радио. Фукс поднял голову и говорит – Ну, нашел кого-то?

Я посмотрел на часы. Одиннадцать тридцать.

Я сказал, что нашел.

Он говорит – Не пизди?

Я сказал ему, что нашел человека, который уверяет, что умеет играть. Я сказал – это выясниться в течении дня, врет он или нет.

Фукс, великий эксперт, говорит важно – Надеюсь, он достаточно хорош.

Я объяснил ему, что на самом деле большой разницы нет – хорош ли, плох ли.

Кофемолка работала плохо. Это всегда раздражает. Фукс несколько раз повторил – А? А? Ха? – чтобы привлечь мое внимание. Я пожал плечами. Я сказал ему, что главное – попадать в тональность. Если парень умеет попасть иногда в то-

---

⁴ Я надел куртку как у Дон Кихота. И все-таки она прошла мимо, и ноль внимания. Тогда я толкнул ее в лицо и сказал – Эй, ты! Как поживает твоя толстая мамаша, и папаня как? Она сказала – Красавчик, слышу скрип твоих сникеров! Покажи, чего у тебя есть, если ты не против.

нальность, все будет прелестно.

Фукс ушел в гостиную обиженный. Я активизировал кофейник. Ляп, ляп – закапали кофейные капли. Вернувшись в гостиную, я обнаружил Фукса, пьющего мой апельсиновый сок. Я спросил его, почему за два месяца он ни разу не пополнил запасы сока.

Он говорит – Извиняюсь, мужик. Завтра куплю.

Ты всегда это говоришь.

Слушай, а этот ниггер – он симпатичный?

С каких это пор тебя стала интересовать внешность коллег?

Я серьезно, Джин.

Фукс любит говорить рассудительным тоном, неприятно напоминая мне меня самого.

Он говорит – Нам нужен симпатичный ниггер. Ведущий гитарист должен выглядеть. Это хорошая рыночная стратегия. Несовершеннолетние телки, им нужен кто-нибудь, чтобы выглядел горячим – подумай, мужик.

Я сказал ему, что гитарист – мальчик белый.

Возмущение Фукса было так велико, что он пролил сок на стол и себе на халат.

Он говорит – Эй, мужик, я с хонки⁵ играть не буду.

Я налил себе кофе и сел. Фукс посмотрел на меня враждебно и принялся вытирать стол своим халатом.

Он говорит – Ты слышал, что я сказал?

---

⁵ Оскорбительное слово, которым негры называют белых в Нью-Йорке.

Типа, да. Ты с хонки играть не будешь.

Так что же?

Так ничего же.

Ну, на хуй. Что ты надумал, Джин?

Я говорю – Слушай, Фукс, если мы собираемся зарабатывать на жизнь, и, я думаю, это одна из наших целей, не так ли, нам необходим по крайней мере один хонки. Рыночная стратегия, как ты только что отметил, требует такого подхода.

Отвращению Фукса не было предела.

Он говорит – на хуй.

Я говорю – У тебя есть выбор.

По правде сказать, мне было все равно, кто они – остальные члены группы. Гвоздь программы все равно – я сам. Остальные просто попутчики. В делах музыкальных нужно смотреть фактам в лицо. Справедливость, конечно, торжествует – я не собирался брать себе больше, чем остальные, если деньги вдруг появятся.

Фукс говорит – Я так не играю, мужик.

Иногда он бывает ужасно упрям.

Тогда я говорю – Слушай. Я говорю – Я хочу, чтобы мы выглядели профессионально, а не как банда пацанов из черного гетто, торчащих от своего исполнения.

Он обозвал меня тупым ниггером, но, по правде говоря, какой у него выбор? Бас-гитаристы – их много, они в самый лучший рыночный день не стоят больше, чем десять центов за дюжину.

IX

Погода стояла прекрасная, лужи сверкали на солнце, а здание напоминало прошитую ядрами крепость. Огромные белые буквы на стене вестибюля, «Уайтфилд», навели Юджина на какие-то смутные воспоминания, но ему было не до этого.

В помещении пахло пролитым пивом, потом и пылью. Фукс подключил свою бас-гитару к усилителю. Юджин проверил усилитель, попробовал клавиатуру, и хлопнул Фукса по плечу.

– Просветлись, – сказал он. – Великие дела не за горами.

Паркер вошел плетущейся походкой – большой, толстый, немногословный как всегда, поглаживая персональные барабанные палочки, и Фукс поприветствовал его —

– Эй, брат.

– Эй. Гитариста нашли?

– Да, ага, – сказал Фукс мрачно. – Спроси Джино. Нашел какого-то ебаного хонки, мужик. Не нравится мне это, мужик.

Вместо ответа Паркер залез на стул и ударил в барабан.

– Надеюсь, он будет вести себя прилично, мужик, – добавил Фукс.

С гибсоном в кожаном чехле на плече – как двустволка охотника – бумажная чашка кофе в руке, Джулиан вошел ве-

личественно, стремительно, безжалостно, в облаке яростного напускного добродушия – в момент, когда Юджин начал бояться, что он не придет.

– Добрый день, господа, – сказал Джулиан с узконаправленной веселостью. – Вижу, что немного опоздал. Нижайше прошу меня простить и сказать мне, что я должен совершить, дабы исправить оплошность.

Фукс отвел глаза, удивленный и еще более расстроенный, чем прежде. Паркер поднял голову и брови и ухмыльнулся. Ухмылка тот час же пропала.

– Какие новости, друзья? Что делать нам? К чему готовы мы? – спросил Джулиан. Баритон его грохнул, размножился, отлетел от поверхностей инструментов. – Ну-с, посмотрим. Так. Вот здесь я подключу Мою Жемчужину Кастильских Ночей, если, конечно, никто не возразит мне гласно. А? Возражений нет. Хорошо. Зовут меня Джулиан.

Он косо посмотрел на Фукса.

– Ага, – сказал Фукс.

– На самом деле, – объяснил Юджин, – этого парня зовут Фукс-басист, а не Ага. А который вон там в углу, большой такой жлоб, неприветливый – так он Паркер.

Джулиан приблизился к Паркеру и протянул ему руку. Последовало рукопожатие. Джулиан переместился к Фуксу. Не поворачиваясь к нему, Фукс сказал,

– Да, хорошо.

– Следует пожать хонки руку, – наставительно сказал

Джулиан. — У меня, конечно, веснушки на лице, но это еще не повод меня игнорировать. Ближним следует быть благожелательными по отношению друг другу. Так сказано в справочнике.

— Каком справочнике? — неприязненно спросил Фукс.

— В Самом Главном, конечно же.

Еще немного подождав, дабы сохранить лицо, Фукс пожал Джулиану руку.

Некоторое время они настраивались. Затем Юджин, сидя за клавиатурой, махнул рукой и сказал —

— Ля-бемоль, четыре четверти. Остальные аккорды — си-бемоль минор, до-минор-семерка, и ми-бемоль-шесть. Вот так...

Он сыграл мелодию, объявляя каждый аккорд вслух.

— Паркер, — сказал он.

— Да.

— Стучи мудро, а не дико.

— Ладно.

— Фукс?

— Ну?

— Сечешь?

— Секу.

— Джулиан?

Вскоре выяснилось, что Джулиан не имеет понятия, где на его гитаре находится ля-бемоль. Чтобы спасти ситуацию, Юджину пришлось дать ему быстрый урок, который сопро-

вождался презрительным хмыканьем Фукса. Паркер смотрел и ничего не говорил. Джулиан знал, оказалось, немалое количество чисто гитарных оборотов и трюков, и перебирал струны неплохо. После примерно десяти минут ошибок и нереализованных амбиций, он понял, как именно следует играть то, что хотел играть Юджин. Опус сыграли четыре раза, а затем Юджин объявил пятиминутный перерыв. Джулиан выключил усилитель и стал тренироваться тихо в углу, прислушиваясь к струнам. Юджин развлекался, играя немецкую песенку тридцатых годов двадцатого века. В его дневнике комментарии по поводу немецкой музыки той эпохи нестандартны и слегка бестактны по отношению ко многим.

В конце концов Джулиан перестал бренчать и начал слушать. Паркер тоже, вроде бы, прислушивался к тому, что играет Юджин. Фукс ерзал и ерзал на своем стуле.

Четыре часа спустя свежесозданная группа проголосовала за поход в реднековый⁶ бар напротив. У Юджина вечером был ангажемент, и долго он торчать в баре не собирался.

– Ангажемент? Думаю, что не захочешь, чтобы я составил тебе компанию, – предположил Джулиан, ухмыляясь в свое пиво.

– Одного раза мне хватило, – сказал Юджин.

– Эй, – Фукс повернулся к Джулиану. – Уши у тебя смешные очень, мужик.

---

⁶ От redneck, красная шея – самодовольный неотесанный белый жлоб из протонародья.

И в самом деле уши у Джулиана были маленькие и чуть вогнутые.

– Ты мой хуй не видел, – сказал Джулиан.

Немыслимое свершилось – Паркер засмеялся. Юджин не знал, что Паркер умеет смеяться. Смех его звучал искренне и приятно, почти музыкально.

Фукс надулся и слез со стула. Джулиан положил руку на плечо Фукса и без усилий водворил его обратно на стул.

– А ну-ка я тебе кое-что скажу, дружок, – сказал он медленно и ровно, и театральные ноты исчезли из его голоса, а калифорнийский его акцент вдруг проявился очень отчетливо – и слегка зловеще. – Слушай, чадо. Хорошо? Будешь слушать? Слушай. Я, может, не великий гитарист. Может, я вообще не гитарист. Но, видишь ли, это в данный момент не важно.

– Ай! – запротестовал Фукс, потирая плечо. – Ты держи свои руки при себе, мужик.

– Спроси меня, почему это не важно.

– Ай ... блядь ... Хорошо. Почему? Ай!

– Потому что, – сказал Джулиан веско, усиливая хватку на плече Фукса, – Юджин не просто ведет шоу, Юджин и есть – шоу.

Он выдержал паузу, чтобы до Фукса дошло. И не только до Фукса.

В этом рыжем что-то было, больше, чем казалось на первый взгляд. Хвалил ли он Юджина в этот момент, или про-

сто льстил ему – какая разница. Юджина не часто хвалили, и льстили ему тоже не часто, особенно в собственном его окружении, за одним исключением, а она слишком молода и глупа, чтобы воспринимать ее всерьез.

Совершенно не важно, объяснил Джулиан, станут ли в результате напряженной тренировки и упрямого стремления к совершенствованию – станут ли Фукс и он, Джулиан, достаточно умелыми, чтобы производить впечатление. Не имеет значения, насколько духовно удовлетворительны и общественно полезны будут их вклады, Фукса и Джулиана, в музыкальную историю мира в будущем. Абсолютно несущественно – достигнут ли они, Фукс и Джулиан, благодаря помощи Юджина, известности в этой области человеческой деятельности, смогут ли они занять место среди любимых и почитаемых публикой музыкантов. Ибо, вот, если смотреть на дело с того недостигаемого плато, с которого смотрит Юджин, стоя там в величественном одиночестве, разницы между умением Фукса и умением Джулиана, или между умением Фукса и любого другого исполнителя, когда-либо слышанного Фуксом, настолько мала, что ее, разницу эту, можно за просто перепутать с окулярным расстройством, вызванным легким похмельем. Музыка составляет (по мысли Джулиана) неотъемлемую часть структуры вселенной, и ее передвижения во времени и пространстве полностью совпадают с передвижениями души Юджина. Навыки можно развить и уточнить. Однако, в случае Юджина, уровень профессионализ-

ма играет лишь малую роль. Его, Юджина, музыкальный дар превосходит любые навыки.

Тот факт, что он находится в компании Юджина и его небесного дара, представляется Джулиану огромной честью и редкой привилегией. Он, Джулиан, намерен сохранять честь и привилегию так долго, как это только возможно, даже, если уж на то пошло, против воли самого Юджина. Может, никогда больше ему не представиться случай участвовать в работе такого человека, как Юджин. Касательно же тех кто, по мнению Джулиана, склонен подрывать его, Джулиана, позиции, и саботировать его, Джулиана, место в группе, действуя ему, Джулиану, на последние оставшиеся у него здоровые нервы, что ж, таким людям следует представить себе возможные последствия их поведения. Прямо сейчас.

– Просто представь себе, – сказал он, уставясь глубоко посаженными зелеными глазами на Фукса, – представь, хорошо? Представь себя, лежащего на спине, страдающего от невыносимой боли, совершенно беспомощного, и меня, все двести тридцать фунтов веса, наступающего безжалостно и неотвратимо подошвой ботинка тебе на морду. Нет, не уходи пока что, и не говори ничего. Давайте выпьем подружески, как положено целеустремленным художникам, работающим над совместным проектом.

Он привлек внимание бармена и объявил, что платит за всех.

В своем дневнике Юджин отмечает, что «Из Джулиана по-

лучился бы неплохой политик, если бы у него не было чувства юмора».

Глава вторая.

Неожиданная встреча

I

Два месяца спустя они были готовы играть на публике.

Джулиан освоился и брэнчал намного лучше. Также, неожиданно выяснилось, что он неплохо умеет дудеть в саксофон. Это произвело впечатление на всех, включая Фукса, который нехотя признал, послушав исполнение Джулианом «Каравана», что – да, умеет. Паркер тоже выправился. Фукс играл сносно. Он и раньше играл сносно. Да и не нужно басисту быть гением.

Нужен был ангажемент. Никакая группа не может репетировать месяцами без того, чтобы не выйти на концерт хоть раз. Отсутствие выступлений ведет к внутренним конфликтам и бунту. Будучи лидером группы, Юджин знал, что именно ему следует искать решение проблемы. Поскольку страдала мораль его солдат.

Юджин обзванивал знакомых, говорил с друзьями и друзьями их друзей, и их любовницами и любовниками, и в конце концов нашел ангажемент. Тридцать минут в прожекторе, в клубе-баре популярной музыки, в Даунтауне, в групповом

концерте.

Тем временем Паркер зачем-то решил получить эквивалент школьного диплома и поступить в институт, как хороший мальчик и патриот. Джулиан, отягощенный призванием нравиться всем, с кем он имел дело, провел много времени из своего свободного, и ланчeveго (он действительно работал менеджером нижнего эшелона) – помогая Паркеру. Вместе они заполнили горы бумаг, ходили в десятки контор, стояли в ворчащих враждебных очередях, представляли пред очи секретарш и общественных работников чьи демонстративные столовые (во время работы) привычки включали чмоканье и обсасывание пальцев.

Если верить наблюдениям Юджина, доброта и щедрость рыжего были искусственные. Ему, рыжему, очень хотелось принадлежать, быть частью социума, и быть в социуме полноправным. Расовые различия не имели к этому отношения. Как и Юджин, Джулиан был творческий пария, самоизгнанник, чувствовавший себя (как казалось Юджину) чужим везде – на улице, на работе, в церкви, в театре. Как и в случае Юджина, коллективное равнодушие мира к его творчеству сопровождалось в жизни Джулиана социальными трудностями. Дабы эти трудности компенсировать, Джулиан, всегда переполненный до краев энергией, подгонял себя с такой отрешенностью что, по сравнению с ним, святые, признанные всеми церквями мира, выглядели бы страшными грешниками, тонущими в пороке, если бы кому-то пришло в го-

лову судить их по их делам, а не по их природе.

Дабы содержать себя и платить свою часть квартирной платы (он делил квартиру с большим числом подозрительных типов в Гарлеме), Паркер продолжал, по малой, продавать на стороне наркотики. У своих родителей он не мог взять в долг – его мать не знала толком, кто был его отец, имела, помимо него, еще десять или одиннадцать детей (Паркер сам не мог бы сказать точно, сколько именно), и жила на велфер⁷ плюс средства, которые она выуживала у своих любовников. Периодически какой-нибудь наркопродавец локального значения находил путь к ее сердцу и постели путем лести или хамства, и осыпал ее драгоценностями и купюрами. В таких случаях она тотчас принималась отделывать заново квартиру, покупать дорогие приспособления для кухни и гостиной и, если после этого еще оставались деньги – одежду для себя и для детей. В квартире редко использовали постельное белье, а матрасы покупались полстолетия назад бабушкой хозяйки, как Паркер признался один раз Джулиану (малоразговорчивый, он доверялся только Джулиану). От матрасов воняло. Нет, Паркер не мог одалживать деньги у своей матери. Возможно, что он подрабатывал на поприще проституции, но даже если такое и бывало, и он продавал себя, он никогда бы в этом не признался – даже Джулиа-

---

⁷ Welfare – пособие, выплачиваемое властями штата тем, кто не в состоянии найти работу (не тоже самое, что пособие по безработице). В многих слоях общества считается унижительным.

ну, и меньше всего Джулиану, настроенному странно враждебно по отношению к гомосексуалистам. Фукс как-то сказал Юджину, что видел Паркера в компании богато выглядящего, среднего возраста негра – оба входили в этот момент в златный отель на Сейнт-Николас Авеню. Юджин не верил рассказам Фукса. Помимо этого, все знали, что Фукс боится некоторых кварталов Гарлема и никогда там не бывает один.

Ангажемент прошел неплохо. Они приехали рано. Аудиторию еще не успели оглушить децибелами, и некоторые люди даже, кажется, восприняли, фрагментами, то, что группа исполнила. Программа состояла из эклектической смеси популярных песенок разных эпох. Джулиан и Юджин раздали визитные карточки аудитории после исполнения.

Вскоре после этого группу пригласили играть на свадьбе, а затем на дне рождения. Им заплатили – ничего особенного, не великая сумма, но появилась надежда, слабый свет впереди, предвкушение славных деяний – они прошли первый тест.

Обратимся к дневнику Юджина, или же, точнее, к той записи, которая имеет отношение к его изначальному участию в зловещем деле убийства, о котором нельзя было сообщить в газетах.

II

ИЗ ДНЕВНИКА ЮДЖИНА ВИЛЬЕ —

Джулиан, наш классный белый паренек, родился в Калифорнии лет двадцать пять назад, в рядовой англосаксонской семье. Соображает он не скоро и ужасно любит приключения, и попадает время от времени в переделки. Кроме этого, он ужасный невежда. Дикий. Но он все равно классный, и он всегда находит, что сказать — в своей заторможенной, солнцем перегретой калифорнийской манере, когда все остальные вдруг замолчали — душа компании. Но это не главное. Главное — он пишет стихи. И слова к песням. И всю классику знает наизусть. И равных ему нет.

В общем — нас попросили выступить ... Нет, конечно, это мы сами просили и умоляли и ползали, вернее я и Джулиан, целые месяцы, чтобы нам позволили выступить в частном клубе на Верхнем Вест Сайде. Нам сказали, чтобы мы играли только джаз, так что Джулиан принес с собой саксофон, дабы притворяться лидером группы и сольным исполнителем. Разоделись мы. И было у нас двадцать минут до начала вечеринки. Настроились. Клавиатуру свою я оставил дома — джаз так джаз, на подиуме стоял вполне приличный кабинетный рояль.

Я пробежал по клавишам, и — эх-ма, ничего в жизни глад-

ко не бывает. Вот не дадут же музыканту поскучать. Соль в третьей октаве требовала настройки. Вгалопировал менеджер, и я обратил его внимание на незадачу. Он удивился и говорит – А ты не можешь эту ноту просто обходить?

Когда я в ударе, я половину клавиатуры могу обходить, но в данный момент я был не в настроении. Был понедельник, я не выспался толком. И вообще. Я поднял крышку и заглянул внутрь, и обнаружил там больше пыли и мусора, чем в Дрездене после бомбежки. Я не из тех, кто считает, что на инструмент нельзя дышать. У меня с инструментами обращение свойское, как бы изящно они не были сконструированы. Но, видите ли, профессиональное пренебрежение и пренебрежение негодяйское – вещи разные. Я попросил пылесос.

Менеджер посмотрел на меня так, будто я на его дочери жениться собираюсь. Я говорю рассудительно – Ну вот что, начальник. Либо ты несешь мне пылесос, либо я отменяю номер.

Джулиан, сидя на стуле рядом, ткнул меня в ребра. Я отмахнулся.

Менеджер решил, что будет проще, если он поступит в соответствии с моими пожеланиями. Он исчез и вскоре вернулся с портативным пылесосом. А тем временем посетители начали заходить в клуб один за другим. Я снял свой лондонский пиджак, закатал рукава рубашки, и пропылесосил фортепиано. Паркер наградил меня за мои усилия барабан-

ной дробью. Джулиан и Фукс засмеялись, и некоторые посетители тоже.

Мы были готовы. Фукс сыграл ми на своем монструозном басы, Паркер брякнул палочкой в тарелку, Джулиан произвел на гибсоне несколько бравурных аккордов, а я сел на скамью перед клавиатурой.

Талиа Би состоит из нескольких капризно освещенных комнат. Музыкальная комната находится в логическом центре заведения. В ней достаточно просторно, чтобы танцевать бальные танцы. В комнате находились люди, и слышались невинные разговоры, смешки – и все что-то пили. Все это следовало сопровождать не очень громкой, вежливой музыкой. Посетителю следует давать возможность говорить, не напрягая связки. Это не значит, что его должны слушать или слышать ... впрочем, не важно.

Мы начали с не очень известного опуса, который в свое время исполнял Дюк Эллингтон. Понемногу я начал привыкать к отсутствию ноты в третьей октаве. Помню, что у Паганини был случай, когда он сыграл на одной оставшейся на скрипке струне, и никто ничего не заметил. Историю эту не следует принимать всерьез, как вы уж поняли. Думаю что не заметили не потому, что он так умело играл (играл он умело, конечно, но к делу это не относится), но, в основном, потому, что он умел использовать невежество аудитории. Аудитория решила – эй, что-то странно все это звучит, но ведь это Паганини там, на сцене, играет – а он знает, что

делает, значит – так надо.

Так или иначе, но пропускать только одну клавишу – легче, чем три струны из четырех. Паркер увлекся своим стуком. Я на него мрачно глянул. Он чуть притих. Паркер никогда бы не смог играть на настоящем инструменте – пальцы у него гнутся плохо.

Начало у нас получилось хорошее в тот вечер. Джулиан поднял свой сакс и выдал несколько финтов, которые горожане, как они утверждают, очень любят. Я думаю – врут. Джазовые импровизации неизменно нагоняют на меня тоску, и я скрежещу зубами, а медицинской страховки у меня нет, и дантисту платить нечем.

Когда Джулиан кончил, наконец, свои экзерсисы бестолковые, я почувствовал, что разозлился и в то же время хочу поозорничать. Пришел мой черед выдать соло, и я покривлялся слегка, уходя то в пиано, то в фортиссимо, то опять в пиано, после чего я очень гладко вплел первые несколько тактов Этюда в Фа-Мажор, Рахманинова, в основную тему. К моему удивлению, некоторые посетители обернулись. Ну я и прекратил тут же, чтобы не вызывать нареканий.

Одна из пар в помещении была – хорошо одетая, среднего возраста, и были они поглощены чем-то, какой-то своей дискуссией, и в паузе (я прекратил паясничать, и возникла пауза) мужчина вдруг сказал на весь зал —

Ну и черт с ним со всем! Давай праздновать! Потанцуем! Женщина что-то ему ответила, и он тоже что-то сказал,

в этот раз тихо. Затем, снова громко, добавил —

А вот мы проверим!

Он встал и подошел к подиуму. Джулиан, Фукс, и Паркер снова включились, стали играть. Гость наклонился над крышкой рояля и говорит — Простите. (Он очень вежлив). Можете ли вы, парни, сыграть вальс?

Только в этот момент я сообразил, что он не из данного окружения, не принадлежит к высшему эшелону среднего класса, как остальные посетители. Нет, совсем не то — гораздо выше. Что он здесь делает? Как объяснил мне потом Джулиан, люди иногда ищут непривычную обстановку, чтобы побыть наедине друг с другом, чтобы их никто из своих не видел. Голубокровные так хорошо огородились от остального мира, что в средне-классовом клубе им вполне можно спрятаться — никого из своих не встретят.

Он вытащил бумажник. Мне бумажник понравился. Я заметил, что Фукс таращится на бумажник. Еще две секунды, и он перестанет играть, и у него начнется слюноотделение.

Я быстро сказал — Сто.

Следовало сказать — семьсот, и я бы их получил. Мужчина положил стадолларовую купюру в хрустальную вазу на рояле, кивнул, улыбнулся, и отошел. Мы продолжали играть то, что играли раньше, еще минуты четыре, дабы сохранить лицо. Закончив сохранять лицо, я повернулся к моим солдатам, подмигнул, и сказал — Так, теперь — три четверти, в основном соль-мажор, то есть, нет, ля-бемоль, конечно же! Ля-

бемоль, в остальных случаях следите за мной. Паркер, пожалуйста. Я серьезно.

Я очень невинно начал вальс Легара из «Графа Люксембурга». Я увидел, как мой клиент поднимается на ноги и предлагает руку своей даме. Она помедлила, но, под взглядами недоуменно повернувшихся, встала. Пожала плечами. Двухногие формы жизни стали двигаться, чтобы освободить место, а пара пошла туда, где обычно в этом клубе танцевали – достаточно пространства, чтобы три или четыре пары выделявали хоть танго, хоть фокстрот, если не очень толстые. Мужчина и женщина встали в позицию. Мужчина посмотрел на меня. Я кивнул и задал ему ритм, сыграв чуть громче в басах. Они начали кружиться. Джулиан попытался всунуться со своим гибсоном, взял неправильную тональность, и остановился смущенно. Фукс же поймал, осознал, и подключился. Паркер время от времени давал дробь и бил в тарелку в нужные моменты, что всех удивило. Я перешел на другой вальс Легара, ультра-роскошный, из «Веселой Вдовы», сыграл его с ветерком, более или менее имитируя весь, блядь, симфонический оркестр с помощью моего, такого теперь послушного, инструмента. Когда я поднял голову в следующий раз, еще три пары танцевали прямо у подиума. Появился менеджер с озабоченным видом. Я понял, что совершаю большую ошибку. Люди стали входить из других помещений, привлеченные спектаклем. Подключились еще пары. И всем весело, и всем нравилось. И должно было

закончиться. Для полной меры я сыграл вальс из «Спящей Красавицы» и на этом остановил незапланированное развлечение. Менеджер находился уже на пути к роялю, но мой клиент его опередил.

Он говорит – Это просто замечательно было. Даже не знаю, как можно вас отблагодарить.

Подошла его дама и остановилась за ним. Я подумал, что нужно действовать быстро, и сказал – Сэр. (Остальные пока что радовались и хлопали). Сэр, очень сожалею, но озорство наше может нам стоить будущих ангажементов. На сегодня танцы не были запланированы.

Он говорит – О! Видно, что он вежливо сожалеет. Богатые не любят, когда о них думают, что они равнодушны к проблемам менее состоятельных классов. Он говорит – Прошу меня простить. Не могу ли я как-то помочь, посодействовать?

Я говорю – Можете. Поговорите с менеджером. Вот он как раз сюда идет.

Подошел менеджер.

Мой клиент заговорил – очень веско. Говорит – Сэр! Это моя вина, от начала и до конца. Боюсь, что это я заставил этих прекрасных исполнителей сыграть то, что мы сейчас слышали. Примите мои извинения. Что в моих силах – заплатить ли штраф, или еще что-нибудь – скажите, и я сделаю. Но, пожалуйста, пусть то, что здесь произошло, никак не скажется на статусе музыкантов в этом заведении. Повторяю, они не хотели играть то, что играли, и согласились толь-

ко, когда я настоял.

Менеджер поджал губы, поправил парик, и сказал что-то, я не расслышал. Не расслышал я потому, что внезапно и неожиданно я узнал в даме, сопровождавшей моего благодетеля, миссис Уолш.

III

Она меня не узнала.

Черты лица у меня не очень запоминающиеся. Бабушка моего отца была белая, из северной Германии, поэтому у меня тонкие губы, а у отца голубые глаза. Я часто лыщу себе, что я достаточно привлекательный, чтобы женщинам нравилось мое галантное сексапильное общество. Тем не менее, есть в моих чертах что-то банальное – во всем, в лице, в теле, в осанке, в манерах – вот люди меня и не запоминают.

Но, скажете вы, с чего ты взял, что это именно миссис Уолш?

Не знаю. Я же не художник, я лица не запоминаю в точности. Я – бедный, борющийся за существование музыкант, нагруженный комплексами и капризами, зарабатывающий себе на жизнь честным трудом. Мне было восемь лет, когда я ее видел последний раз. Пятнадцатилетний интервал – это много, не говоря уж о том, что детское восприятие отличается от взрослого. Женщина, которая когда-то выгнала меня из комнаты с роялем, была вроде бы русая – так я запомнил. Наверное, ошибся. Женщина, на которую я теперь смотрел, волосы имела выющиеся, пепельно-блондинистые, до плеч. Было ей за сорок, что по времени совпадало, и улыбалась она мне благосклонно.

И вдруг она говорит —

Вы очень хороший пианист.

Вроде бы она сказала это искренне. Подчиняясь импульсу, я привстал со скамьи, посмотрел ей в глаза и, надеясь, что не выгляжу идиотом, выпалил что-то вроде – Не хотите ли, я сыграю что-нибудь специально для вас?

Предложение ее смутило. Она мигнула. Затем она взяла себя в руки и сказала, слегка испуганно – Если желаете. И улыбнулась боязливо.

Дамы и господа, уверяю вас – я потерял всякий контроль над событиями. Момент ли, атмосфера ли, совпадение – что-то держало меня железной хваткой, направляло и наставляло. Особой любви к драматизму у меня нет, и формы я не очень-то придерживаюсь. Что-то вне меня сказалось, что нужно играть Ми-Минор, Шопена – да! И я сообразил, что я делаю, только когда отыграл уже тактов двадцать. Миссис Уолш не знала, как реагировать, возвращаться ли к своему креслу, или к боку ее кавалера, или чего, но стояние столбом показалось ей, наверное, неправильным. Ее компаньон продолжал торговаться с менеджером. Миссис Уолш улыбнулась неуверенно, вступила на подиум, и облокотилась на крышку рояля. Я переключился на до-диез минор, чтобы подчеркнуть момент, а заодно не лупить почем зря по расстроенной клавише. В конце концов мне удалось погрузиться в музыку и забыть о миссис Уолш, ее компаньоне, менеджере, группе, и остальном мире. Играл я как маньяк, и Вселенная поняла и откликнулась, обнимая меня и лаская, и по-

ощряя усилия. Она слилась с музыкой и с моими пальцами и запястьями, и моей правой ногой. Кстати о правой ноге – педалирование мое, обычно расхлябанное, залихватское на слух многих, вдруг стало очень точным. Пот стекал по моему лицу. Я бегал вверх и вниз по клавиатуре, подчиняясь неумолимой воле Шопена и почти плача над невозможно грустными пассажами небесной чистоты и неизмеримой глубины. Этот ебанный поляк, блядь, люди не имеют права писать такую музыку. И вдруг – бах! – опус кончился. Я поднял голову. Где-то вдали какие-то бесполезные кретины трепались себе, но пространство непосредственно вокруг подиума притихло. Я повернул голову медленно направо и сошелся взглядом с миссис Уолш, которая только начала распрямляться. Очень бледная она была, а может это свет такой был, не знаю, ни хуя не знаю! Из ниоткуда возникла вдруг рука Джулиана, протягивающая мне бутылку с водой. Я взял бутылку, посмотрел на нее бессмысленно, и поставил на крышку рояля.

Подошел компаньон миссис Уолш и положил дружескую руку на мое плечо.

Он говорит, типа, одобрительно – Я знал, что вы хорошо играете. Я не знал до этого момента, насколько хорошо. Вы пойдете очень далеко.

Да, если полиция не велит свернуть и остановиться на обочине.

И вдруг, будто кто-то повернул выключатель, на меня сва-

лился шквал аплодисментов. Мой благодетель присоединился к шквалу. Разговаривающие в глубине помещения перестали трепать своими дурными языками и устали. Яглянул на миссис Уолш. Она не хлопала. Глаза ее сверкали, рот полуоткрыт. Фукс попытался исполнить каденцию на своембасе, но Паркер хлопнул его по затылку, и он затих.

Благодетель мой говорит – Нет ли у вас визитной карточки?

Я встал, поняв наконец, что нахожусь в легком трансе, вынул бумажник, и дал ему карточку. Он вложил ее в свой нагрудный карман, что является дурным тоном.

Джулиан посмотрел на меня красноречиво. Я понял и тронул клавишу. Вежливый джаз, символ всеобщего равенства, устранитель стесняющей тишины. Порядок восстановился в течении следующих пяти минут, и разговоры в помещении продолжились. Многие посетители поблагодарили меня, прежде чем уйти, в тот вечер, и я улыбался им рассеянно. Благодетель и миссис Уолш ушли около полуночи. Он подождал, пока я устрою перерыв, и снова сделал мне комплимент, сказав, что я очень хорош, и что он посмотрит, не сможет ли он мне помочь с ангажементами.

Что я хорош, я и так знаю. Не все слова дешевы, но банальности – все. Я бы предпочел деньги.

Глава третья. За кулисами

На улице было темно. Малком скоро приедет. Поспоров немного с родителями (они настаивали, что он хороший парень), Зиния, девушка, на чьи сиськи Юджин Вилье почти никогда не смотрел, та, о которой он думал, что она слишком молода и глупа, чтобы ее принимать всерьез, вылетела из гостиной хлопнув дверью и побежала наверх, прыгая через три ступеньки.

Полчаса она провела в своей комнате, обиженная, жалея себя. Изучив свое отражение в зеркале, она решила, что она красивая – худенькая, миловидная, и переполненная трагическим изяществом.

Ее ровесники казались ей скучными и безмозглыми. Им нечего было ей предложить. Она предпочитала общаться с людьми постарше – и таким образом появились Малком и Юджин, оба старше ее. К сожалению, поскольку некоторые остаточные признаки подростковости, которых она в себе не замечала, все еще наличествовали (яростное жевание резинки, любовь к намеренно уродливой одежде, и так далее), Юджин относился к ней скептически.

Монетка-пенни влетела в окно и приземлилась, звякнув, на полу. Зиния мрачно посмотрела на фотографию Юджина на прикроватном столике, поднялась, и подошла к окну.

Сидя на дереве, бросавшем тень на газон и часть улицы,

в пяти ярдах от окна, на нее глядел Джейсон. Он улыбнулся и махнул рукой приветливо.

– Привет.

– Джейсон! Какого дьявола ты здесь делаешь? – зашептала она сердито. – Тебе нечем в этой жизни заняться?

– Зиния, ты знаешь, что я тебя люблю, – сказал он. Его латиноамериканский акцент звучал гуще, чем обычно, как всегда, когда он был взволнован. – Слушай, а не пойти ли нам завтра в кино? Тебе и мне? Что скажешь?

– Скажу нет. Скажу – оставь меня в покое. Скажу, что сейчас я вызову полицию.

– Эй, ты по прежнему видишься с тем черным снобом? С Малкомом? Знаешь, мне это не нравится. Меня это расстраивает ... Зиния.

– Это еще не повод сидеть на дереве, как богомол.

Богомолы не сидят на деревьях. Но голова Джейсона слишком занята была другими мыслями, чтобы указать Зинии на ее ошибку.

– Эй, ты ведь его не любишь. Я знаю, что не любишь.

Они еще поспорили на эту тему яростным шепотом.

– Слушай, – сказал он в конце концов. – Это потому, что я родился в Гондурасе?

– Да! – сказала она, не шепотом, но обычным голосом.

Ее неприятие никак не было связано с этническим происхождением Джейсона. Просто она надеялась, что такой ответ заставит его слезть с дерева и уйти – с газона, от дома, из ее

жизни.

Сделалась пауза.

– О, я понял, – сказал он. – Хорошо. Если ты оскорбляешь мою страну, тогда я не желаю тебя больше видеть.

Удивительно – кажется, сработало!

– Вот и хорошо, – сказала она.

– Сука ты неблагодарная.

– И горжусь этим.

– Иди на хуй.

– Это ты иди. Ненавижу твою паршивую тараканью страну размером с блюдо, и тебя я тоже ненавижу. Уйдешь ты наконец?

– Хорошо. Но я это запомню, Зиния.

– Очень рада. Запомни.

– Запомню.

– Да, запомни.

– Я буду помнить об этом всегда.

– Конечно помни. И внукам передай. А теперь иди отсюда.

Что-то выпало у него из кармана и упало на траву вниз. Он посмотрел вниз.

– А, блядь, – сказал он. – Я выронил пистолет.

– Ты пришел ко мне с пистолетом?

– Извини. Я не собирался в тебя стрелять.

– Рада это слышать. Уходи.

– Хорошо.

– Да уходи же! Смотри, кто-то едет.

Фары автомобиля показались в дальнем конце улицы.

– Вижу, – сказал Джейсон, спрыгивая на землю и ощупью пытаясь найти пистолет. – А вот, если...

– Да оставь ты его, иди, просто иди, дурак!

– Мне нужно найти пистолет.

– Я сама его найду, и тебе отдам. Завтра. Иди же.

– Обещаешь, что отдашь?

– Да! Да! Иди!

Он все-таки еще пощупал траву тут и там. Когда фары приблизились, он вскочил, кинулся бежать, и скрылся в темноте.

Малком одет был по парадному, как всегда. Запарковав машину на въезде, он медленно, с достоинством из нее вышел. Он не видел Джейсона. Зиния вдохнула облегченно.

Малком – душка. Он был все, о чем мечтали родители Зинии – в противовес Джейсону, бывшему постоянному мальчику Зинии в школе и известному хулигану, и Юджину, безденежному представителю богемы с плохим характером. Помимо них, в жизни Зинии был только один мужчина – профессор биологии в ее колледже, абсурдно тощий, сутулый, очкастый белый, старше Зинии на двадцать лет, который очень смешно шутил и к Зинии относился со смесью виноватой нежности и почти отеческой благосклонности, пока отец Зинии, тоже биолог, тоже профессор, учивший в свое время мать Зинии, не поговорил с коллегой, после чего отношения профессора и Зинии распались. Касатель-

но же Юджина – мать Зинии, обычно робкая и бессловесная, проявила неожиданную непреклонность. «С ним ты будешь жить в крысиных дырах всю свою жизнь» – объяснила она. «Не потому, что он музыкант. Мало ли на свете музыкантов – и некоторые очень неплохо зарабатывают. Нет, дело в его отношении к людям, к жизни. Он думает только о себе и о своей музыке. Он-то как раз и не хочет ни покоя, ни комфорта, и ему наплевать, нужен ли тебе покой и комфорт, или нет. Все это очень романтично, а только в один прекрасный день окажется, что тебе нужно где-то жить, особенно если детей заведешь, и будет негде».

А вот Малком был другой. Он работал на брокерскую фирму. Заработная плата его превышала в три или четыре раза среднестатистическую американскую заработную плату. В свободное время он был активист, а в глазах родителей Зинии это означало, что он не проводил время в злачных барах, растрачивая семейный бюджет и путаясь с женщинами легкого поведения. Единственный недостаток Малкома – Зинии он не очень нравился.

На прикроватном столике стояла фотография Юджина. Один раз она исчезла. Случилось это три месяца назад. Зиния дала своим родителям девятнадцать минут, чтобы сохранить лицо, и еще одну минуту, чтобы вернуть фотографию на место, а то она подожжет дом. Она вышла покурить. Они вернули фотографию на место.

А теперь Зиния пошла вниз, поморщилась, посмотрев

на родителей, сказала Малкому «Привет!», и направилась к выходу.

– Сейчас вернусь, – сказала она.

– Пожалуйста, – сказала ее мать Малкому. – Позволь мне поухаживать за тобой. Давай пальто.

– Выпьешь? – предложил отец.

– Нет, спасибо, – ответил Малком, глядя через плечо. – А ... что случилось? Она чем-то расстроена?

– Да нет, ничего особенного, – сказала мать Зинии, при-
страивая пальто Малкома на вешалку. – Она иногда выходит
покурить. Мы делаем вид, что не знаем.

Она подмигнула Малкому заговорщически.

– Плохая привычка. Она слишком молодая, – сказал
убежденно Малком.

– Ну, что делать, дорогой мой, – мать Зинии взяла его
за локоть. – Ей скоро двадцать. Это ее право. Вот пить она
не может – закон есть. А курить может.

Малком в своем дорогом деловом костюме выглядел
очень впечатляюще, а ботинки его итальянские начищены
были безупречно. Он тепло пожал руку отцу Зинии. Втроем
они прошли в гостиную.

Тем временем Зиния забежала за угол и, прочесав газон
под окном ее спальни дюйм за дюймом, нашла в конце кон-
цов пистолет. Двадцать второй калибр, заряжен. Она пихну-
ла его в карман и вернулась в дом.

Извинившись и пообещав тот час же вернуться в гости-

ную, она побежала наверх и заперла дверь. Открыв верхний ящик бюро, она спрятала пистолет под нижним бельем.

Идти вниз не хотелось. Она была не в настроении. Включила телевизор. Показывали старый фильм с участием Живой Легенды. Зиния обожала его фильмы. Она сделала громче и легла животом на кровать. Некоторое время спустя мать ее постучала в дверь. Зиния крикнула, чтобы ее оставили в покое. Через час мать сделала еще одну попытку. Фильм кончился. Зиния выключила телевизор и спустилась в гостиную.

Джейсон позвонил на следующее утро.

– Нашла?

– Нет, – сказала Зиния. – Не знаю, где он. Часа два искала. Сожалею.

– Это очень нехорошо, Зиния. Poiщи еще. Пожалуйста. Я сегодня вечером опять приду.

– Нет, ты не придешь. А пистолета нет. Понял? Нет.

– Это глупо. Ты врешь.

– Пожалуйста никогда мне больше не звони, Джейсон.

Дверь спальни заперта, занавески задернуты. Зиния сняла со столика фотографию Юджина в пластмассовой прозрачной рамке и долго на нее смотрела.

Глава четвертая.

Любовница Джулиана

I

Запершись в ванной в доме родителей, Дебби присела на край, собрала с мыслями и сказала в сотовый телефон —

– Можешь говорить. Никто не слушает, кроме меня.

– Слушает, не сомневайся, – сказал голос ее брата. Затем брат рассмеялся. – Возможно даже записывает. Есть у украденных мобильных одно преимущество – сволочам нужно какое-то время, чтобы вычислить местонахождение говорящего. У меня есть минуты две, Деб.

– Ты о чем? Ави, что случилось?

– Догадайся.

– Ави!

– Я поклонился лесному богу.

– Ты ... сбежал.

– Ага. Слушай, я не собираюсь отбывать срок за Франка Гоби. Наглость какая. Я даже удивился. От синьора Гоби все отскакивает, а скоты федералы должны ж заграбастать кого-то, просто чтобы показать, какой у них большой хуй – вот

меня и заграбастали. Это как, справедливо, по-твоему? Ты мне скажи, Деб – справедливо?

Дебби никогда не становилась ни на чью сторону в баталиях Ави, в которых, если его послушать, он всегда невинный проходящий мимо, пострадавший ни за что, а все остальные – попустительствующие вероломные подонки. Она и в этот раз не захотела становиться ни на чью сторону.

– Где ты сейчас?

– Ого. Не спрашивай глупости, сестренка, я не могу такое сказать по телефону. У меня тут дело есть, в этих краях. Ну, в общем – как ты?

– Все нормально.

– Ты все еще спишь с Джулианом?

– Ави!

– Ладно, ладно. Вроде бы я обещал не быть вульгарным. Видишь? Я помню. В общем так, сестренка – я не смогу с тобой связаться целый месяц. Мне нужно сориентироваться на местности.

– Что будет, если тебя поймают?

– На этот раз меня просто застрелят, я думаю. Или обратно в тюрьму. Но, по правде сказать, я не думаю, что меня поймают.

– Ави, как ты мог! Как ты мог!

– Мог – чего? В смысле – как я мог сказать им всем до свидания? Эй, сестренка – либо я бежал, либо я резал себе вены. Ты не представляешь себе, как в тюрьме скучно. Пятна-

дцать лет тюрьмы сделали бы из меня чудовище. Слушай, я позвонил просто, чтобы услышать твой голос и спросить тебя по поводу Джулиана. Джулиан – хороший парень, понимаешь? Ты за него держись, сестренка. Он того стоит.

– Ави...

– Да, самое главное. Маме ничего не говори, и папе тоже, естественно. Никому ничего не говори. Увидимся где-то через месяц. Хорошо?

– Ави, ты меня пугаешь.

– Прости. Я люблю тебя, Деб.

– А я тебя, Ави.

Связь отключилась. Расстроенная и напуганная, Дебби открыла кран и сполоснула лицо холодной водой. Не помогло. Тогда она решила, что займется своим педикюром – это хорошо отвлекает.

II

Пожелав своим родителям спокойной ночи, Дебби Финкелстайн ушла к себе, в свою старую комнату, в которой она провела большую часть своего детства. Теперь ей двадцать два года, и никаких сентиментальных чувств по поводу обстановки она не испытывала. В детстве она эту комнату ненавидела. И ненавидела ее сейчас.

Посмотрела на старые часы с двумя большими мышиными ушами и глупыми улыбающимися губами поперек циферблата. Если им верить, Дебби должна была прождать еще двадцать минут.

Все в этой комнате – уродливо и неудобно. Кровать – слишком маленькая, скрипящая. Книжная полка с облезлой краской, развалюха страшная. Кресло слишком спартанское, чтобы в нем можно было удобно сидеть, расслабившись. Ни телевизора, ни видеоплеера, никаких игр. В стенном шкафу никогда ничего толком не помещалась – на гномов он рассчитан, что ли. Зимой в комнате слишком холодно, а летом жарко и влажно.

Дебби быстро стянула с себя платье, которое надевала всегда, когда навещала родителей. Если чуть согнуть колени, то край платья доставал до земли. Сняла сникеры и блузу. Открыла рюкзак, достала свою любимую юбку хаки, белый свитер, кожаную куртку. Сев на кровать (кровать заскрипи-

пела, и Дебби чуть не замычала от ненависти) она надела очень удобные, нежные и несказанно элегантные итальянские туфли, купленные месяц назад. На те деньги, что она за них заплатила, мать ее могла бы содержать всю семью целых три месяца. Мать была ужасно экономная.

Дебби проверила кармашек на боку рюкзака, на всякий случай, чтобы убедиться, что у нее достаточный запас презервативов, губной помады, косметики и духов. Она была готова. Она очень надеялась, что Джулиан, легкомысленный, уже забыл, что именно он собирался делать с ней сегодня вечером. Ей совершенно не хотелось заниматься глупостями – ей хотелось невинного веселья, хотелось выпить, хотелось провести бессонную, потную, чувственную ночь с ним в постели.

Зря она надеялась.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮДЖИНА ВИЛЬЕ —

Я сказал Джулиану, что не верю ему на слово. Умеет его герлфренд что-нибудь или нет – это еще видеть надо.

Он сказал, что я скоро все увижу и услышу сам, а пока что нужно кое-что просмотреть. Он говорит – Вот, нотная грамота в моем исполнении оставляет желать лучшего, так ты, Юджин, пока разбираешься, делай пометки. Вот тебе ручка.

Мы сидели в его Роллс-Ройсе, припаркованном у какого-то дома в религиозно-еврейском районе в одиннадцать ве-

вчера, и он требовал, чтобы я просмотрел его дилетантские ноты. У Джулиана есть Ройс, я забыл вам сказать. Родители его, базирующиеся в Калифорнии, не так богаты, чтобы покупать любимому сыну и наследнику декадентские игрушки за полмиллиона. Ройс – подарок женщины, с которой год назад Джулиан встречался во Флориде, роскошной среднего возраста немецкой блондинки (если верить Джулиану), жены напряженно работающего хамбургского предпринимателя. Гордая Брунхильда заезжала в Майами половить кайф, пока эффективный ее супруг трудился в *die Heimat*. Всего несколько лет назад двоих или троих немецких туристов убила в Майами местная вооруженная до зубов фауна, и дело переросло в международный скандал, но данную немку это нисколько не пугало. Бедная мужественная девица. Джулиан навещал свою бабушку (которая там, в Майами, живет почему-то), когда ему повстречалась эта тевтонская красотка, в каком-то баре в деловой части города. Он сказал ей, что он поэт, и в доказательство процитировал какие-то строчки. По-английски она говорила сносно (опять же если верить Джулиану); поэзию вряд ли понимала; зато она, наверное, хорошо понимала и любила привлекательных молодых мужчин с огненно-рыжими волосами, затянутыми сзади в хвост. В этой части рассказа Джулиан употреблял какие-то непонятные туманные выражения. Вроде бы у них сделался бурный роман, в конце которого немецкая любовница пролила больше слез, чем положено в таких ситуациях, и умоля-

ла Джулиана переехать в Германию, чтобы ему быть рядом с ней, обещала его содержать до конца его дней. Джулиан, должно быть, обиделся. А может и нет. Перед самым отъездом она купила ему этот самый Ройс. Несмотря на его уверения в том, что он ее совершенно не любил, мысль о том, что машину можно продать, а затем оплатить квартиру лет на восемь вперед, никогда, видимо, не приходила Джулиану в голову. Ройс – одна из немногих собственности Джулиана, за которыми он тщательно следит. И снаружи и внутри – все сверкает.

Я взял у него папку с песенками и посмотрел на нее критически. Он говорит – Нет, ты не смотри на папку, ты читай. Seriously.

Я спросил, нельзя ли и слова посмотреть. Он поморщился, помедлил, но все-таки протянул мне дополнительную пачку листов.

Я прочел слова к первой песне. Затем я их перечел. Вежливо и нервно Джулиан смотрел в сторону. Я обратился к нотам.

В отличие от стихов, музыка Джулиана была – сплошной нонсенс, с финтами в некоторых местах – отчаянная попытка дилетанта удивить и впечатлить, и в то же время замаскировать неумелость. Тем не менее, разглядывая его новации, я вдруг сообразил, что сочиняю в уме. Талант бросает в почву зерно – навык делает результат презентабельным.

В то время, как я прикидывал, как можно изменить основ-

ную тему, чтобы она звучала интересно, Джулиан выпрямился, поднял голову, посмотрел направо и налево, и велел мне оставаться в машине. Я все равно намеревался выйти вместе с ним, но он настаивал, чтобы я остался читать, с включенным светом под потолком кабины.

Да что же это такое! Никто ни о ком, кроме себя, не думает! Свет под потолком освещал меня, молодого негра, сидящего в машине с заведенным мотором в тихом еврейском районе в одиннадцать вечера. Любой житель, заметив меня, тут же вызвал бы копов⁸. Понятно, что если вы не черный и в подобных переделках не бывали, вы так не думаете. Но – вне всякого сомнения Джулиан, с его поэтическим, на хуй, воображением мог бы легко поставить себя в мое положение. Мог бы – но не захотел.

Впрочем, я сам такой же. Будь я за рулем, и следуй мы через Бушвик ночью, я бы также бездумно остановился бы у углового магазина, чтобы купить сок или воду, и оставил бы его одного в машине, белого. Правильно. А может и не оставил бы. Улицы Бушвика они обостряют чувства и мысли, и заставляют думать обо всем заранее.

Я выключил верхний свет и стал смотреть, как Джулиан пересекает газон дома, у которого мы припарковались, огибают осторожно угол, и останавливается. Он посмотрел чуть вверх. Вскоре окно на первом этаже, выше уровня глаз, от-

---

⁸ Копы (cops) – в общепринятом американском просторечии – полицейские. Негативный оттенок слово это в себе не содержит.

крылось, и что-то, силуэт, человеческая форма, выскользнула из него в объятия Джулиана.

Они вошли в тусклый круг света, бросаемый наклоненным фонарем на часть газона — Джулиан, весь — галантность, и девушка — деловая ... впрочем, наверное, девушка — неправильное слово. Женщина, а не девушка — очень молодая, возможно еще формирующаяся, и все-таки женщина. Лицо мне было не разглядеть, часть его была закрыта густыми кудрями которые впоследствии оказались рыжевато-блондинистыми. Тело ее, насколько можно было судить — одежда на ней не очень открытого типа была — было телом крестьянки — приземистое, подумал я, крепкое, мощное такое. Походка почти мужская. Осанка уверенная. Какой-то мешок, а может рюкзак, перекинут через плечо. Джулиан открыл ей заднюю дверь, сволочь, и мне пришлось остаться на переднем сидении. Время и место не подходили для джентльменских препианий.

III

Джулиан включил скорость.

Создание на заднем сидении мигнуло несколько раз, оправляясь от легкого шока, и сказало мне, что зовут ее Дебби. Все белые всегда сперва слегка шокированы, когда внезапно сталкиваются с незнакомым черным в темноте. Я обернулся полностью назад, протянул ей руку, и она ее поспешно пожала. Ладонь сухая и мягкая. А духи хороши! Я вообще люблю запах духов. Она улыбнулась – чуть слишком любезно. Так белые обычно улыбаются, когда видят меня в первый раз, дабы показать, что обожают негров и даже, может быть, сами не прочь стать неграми.

Специальным голосом, очень радушным, я сказал ей, что зовут меня Юджин, и спросил, как идут у нее дела. Она ответила, что дела идут хорошо, спасибо, и спросила как дела у меня. Я сказал, что дела у меня идут прекрасно. Джулиан попросил нас обоих заткнуться. Мы посмотрели на него удивленно. Он объяснил, что пытается собраться с мыслями.

Ехали мы очень быстро по стороннему переулку. Я спросил Джулиана – куда это мы, собственно, едем? Он ответил – В студию. Я спросил Дебби, не возражает ли она против такого плана действий. Она ответила, что не возражает, но мне показалось, что в голосе ее при этом прозвучала сомнительная нота.

После получаса езды в калифорнийском стиле, включающем неестественно резкие повороты, максимальное приближение к задним бамперам машин, идущих впереди, неожиданные остановки и рывки с места, свистящие, прокручивающиеся на рывках, шины, произвольную, ничем не оправданную, кроме каприза, смену полос, и в целом множество возможностей закончить жизнь в дымящейся куче укрепленной сталью резины, металла, и пластмассы, мы запарковались где-то в двадцатых улицах, на Шестой Авеню. Надпись над входом свидетельствовала, что и это – бывшее индустриальное здание тоже (как многие в этом районе) принадлежало некогда человеку по имени Уайтфилд. Может, и сейчас принадлежало, и если да, то у человека этого была прямо-таки страсть к репетиционным залам. Пожилой портье спал за конторкой в вестибюле, очки в тонкой оправе сверкали в тусклом свете. Джулиан вызвал лифт. Лифты в здании ходили медленно – здание старое.

Восьмой этаж, к которому мы причалили, дрожал от волосатых рок-н-рольных фрагментов, играемых очень громко в си-бемоль мажор во всех студиях. Джулиан провел меня и Дебби в студию, которую он зарезервировал заранее и, как только за нами закрылась звуконепроницаемая дверь, жестом указал мне на рояль. Данная студия была очень хорошо звукоизолирована, признаю. Джулиан поискал выключатель.

Высокая она оказалась – храбрая наша Дебби – почти

с меня ростом, а во мне пять футов и десять дюймов. Лицо у нее было круглое, черты очень простые, глаза зеленые, без выражения. Веснушки. Маленький рот. Грудь мелковата, но красиво очерчена. Пальцы короткие, запястье широкое. Трудно сказать, что она за человек.

Голос у нее – хрипловатое сопрано с меццо-обертонами. Сколько же ей лет? Тоже трудно сказать. Детского или ребяческого в ней ничего не было, это точно.

IV

На эксперимент Дебби согласилась только ради того, чтобы сделать Джулиану приятное. Петь она толком не умела. Джулиан хотел услышать свои песни. Ей очень не нравилось присутствие Юджина. Спели две баллады, а потом Дебби надоело. Игнорируя Юджина, она объяснила Джулиану, что хотела бы помочь *ему*, а не его друзьям. На его друзей у нее нет времени. Она – очень занятой человек. У нее есть кое-какие концы в музыкальной индустрии, а так же в театральном мире. У нее есть подруга, у которой тоже есть такие концы, только лучше. Джулиан возразил, объяснив что они с Юджином делают совместный проект.

В этот момент в Юджине Дебби неожиданно обнаружила союзника. Юджин сказал Джулиану что, поскольку его Джулиановы баллады его основаны на стихах, поскольку стихи в них главное, хорошая музыка будет только отвлекать внимание слушателей. Джулиану следовало (объяснил Юджин) составить, а не написать, несколько банальных мелодий.

– А не пошел бы ты в пизду, Джино, – сказал Джулиан с отвращением. – Нужна мне твоя жертвенность, как же.

– Какие еще жертвы, – возразил Юджин. – Если музыка недостаточно хороша, она убьет эффект. Если слишком хороша, то оттеснит слова на второй план. И в том, и в другом случае цели ты не достигнешь. Я тебе помочь ничем не могу.

– Тогда к свиньям все это, – упрямо сказал Джулиан. – У меня были кое-какие идеи, но раз они никому не нравятся – к свиньям.

– Ты страшный эгоист, – заметила Дебби. – Я, я, я. Уже поздно, и я устала. Пойдем отсюда, и остановимся где-нибудь поесть.

– Это хорошая идея, – быстро сказал Юджин. – Я тоже есть хочу. Что мы будем есть?

– Тельца, – проворчал Джулиан.

Стандартный дайнер находился в одном квартале от здания. Они заняли будку у окна, и Дебби, извинившись, ушла в туалет.

– Что тебе? – спросил Юджин, щурясь и пытаясь не встречаться глазами с Джулианом. Взгляд Джулиана сочился презрением.

– Ты что-то хотел мне сказать, – процедил Джулиан.

– Хотел. Но не мое это дело.

– Ты про Дебби? Да говори уж, не стесняйся. Говори, говори.

Юджин пригубил воду и чуть не подавился кубиком льда.

– Не знаю, мужик.

– Чего ты не знаешь, Джино?

– Что ты в ней находишь?

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, что она там плела про подружку со связями, но, помимо этого? Красивой ее не назовешь. Судя по мане-

ре поведения, та еще сука. С ней трудно. Кроме того она какая-то, не знаю, обычная очень. Сливаётся с толпой. Может я и ошибаюсь. И вообще – не мое дело.

– Ох какие мы снобы, как разборчивы! – насмешливо сказал Джулиан, поправляя очки. – С каких это пор ты – эксперт в таких делах?

Юджин понял, на что намекает Джулиан.

– Это правда, – сказал он. – Все белые люди для меня на одно лицо. Кроме тебя. Тебя я отличаю по очкам. Очень характерные очки. Ну а все таки – что тебя в ней привлекает? Она что, хороша в постели, что ли?

Джулиан даже обиделся.

– Что за дурацкий вопрос, а, имбецил? – спросил он возмущенно. – Задавать глупые вопросы – это искусство, Джинно, и ты этим искусством пока что не овладел. Хороша ли она в постели? Глупо. Ужасно глупо.

– Почему же глупо?

– Потому что глупо. Вот ты лично, например, хорош в постели?

– Я великолепен в постели, – сообщил Юджин.

Джулиан отмахнулся.

– У нее есть несколько удивительных качеств, – сказал он, уставясь в пространство. – У нее сила воли – как у опаздывающего экспресса, который пытается наверстать потерянное время. Ей нравятся мои стихи. Она морально меня поддерживает. Очень хорошо готовит. И она не возражает против

моих романтических поползновений.

– Это ты о лазании через окно?

– Помимо всего прочего, да.

– Она, вроде, из ортодоксальной еврейской семьи...

– У нее своя квартира в Аптауне. Родителей она навещает раз в месяц.

– Интересно, – сказал Юджин. – Так почему...

– Уж я сказал – она не возражает. Делает вид, что тайно сбегает со мной.

– Хуйня какая-то...

– Тебе не понять. Помимо этого, она – литературный агент. Это, наверное, самое удивительное ее качество.

– О! – Юджин кивнул. – Теперь я понял.

– Нет, – заверил его Джулиан. – Ничего ты не понял. Впрочем, это несущественно. Если кто-то для нас и может что-то сделать, это – Дебби.

– Для нас?

– Мне нужно, чтобы ты просмотрел то, что я дал тебе пару месяцев назад. Просмотрел и подумал.

– Не понял.

В этот момент появилась Дебби. Что-то она успела сделать с волосами – прическа выглядела по-другому. В дайнере свет горел ярко, и наконец Юджин смог рассмотреть любовницу Джулиана как следует и в то же время ненавязчиво. Между ними встала непробиваемая стена. Юджин подумал, а была бы меж ними эта стена, если бы Джулиан вел себя

предусмотрительнее, или если бы Дебби была черная, а он, Юджин, белый. Или Дебби была бы итальянка, а он, Юджин, китаец. Или если бы Дебби была чуть больше открыта к людям. Рассматривая ее лицо и нервные, мнущие салфетку, руки, Юджин решил что не такой уж она, Дебби, плохой человек. Просто не любит сюрпризов, вот и все.

Если бы Дебби вела дневник, на первой его странице наверное было бы написано что-то вроде «Я родилась в ортодоксальной еврейской семье, вторая по старшинству из девяти детей. У меня четыре сестры и четыре брата. Мой отец думает, что он неудавшийся великий предприниматель, а моя мать думает, что она хорошая мать. Оба ошибаются. В детстве я была очень способным ребенком» – и так далее.

Но Дебби не вела дневник. И не являлась самым способным ребенком в семье, а лишь вторым самым способным. А самым способным и ярким был Ави.

Ави Финкелстайн начал свой жизненный путь с намеренного хулиганства. Он ничего никогда не принимал как должное, сомневался во всем, не доверял никому, включая старших, и, когда эти старшие перестали давать ему устраивавшие его ответы (это началось, когда Ави было восемь лет), он перестал задавать им вопросы. Каждое сообщество имеет свои методы для нейтрализации белой вороны. Соответствующие шаги воспоследовали, когда психологические проблемы Ави привлекли внимание старших и, чуть позднее, местного полицейского участка. Ави было не остановить. С ко-

варством, не свойственным его возрасту, Ави со всеми соглашался, кивал, притворялся огорченным, вел себя хорошо следующие несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.